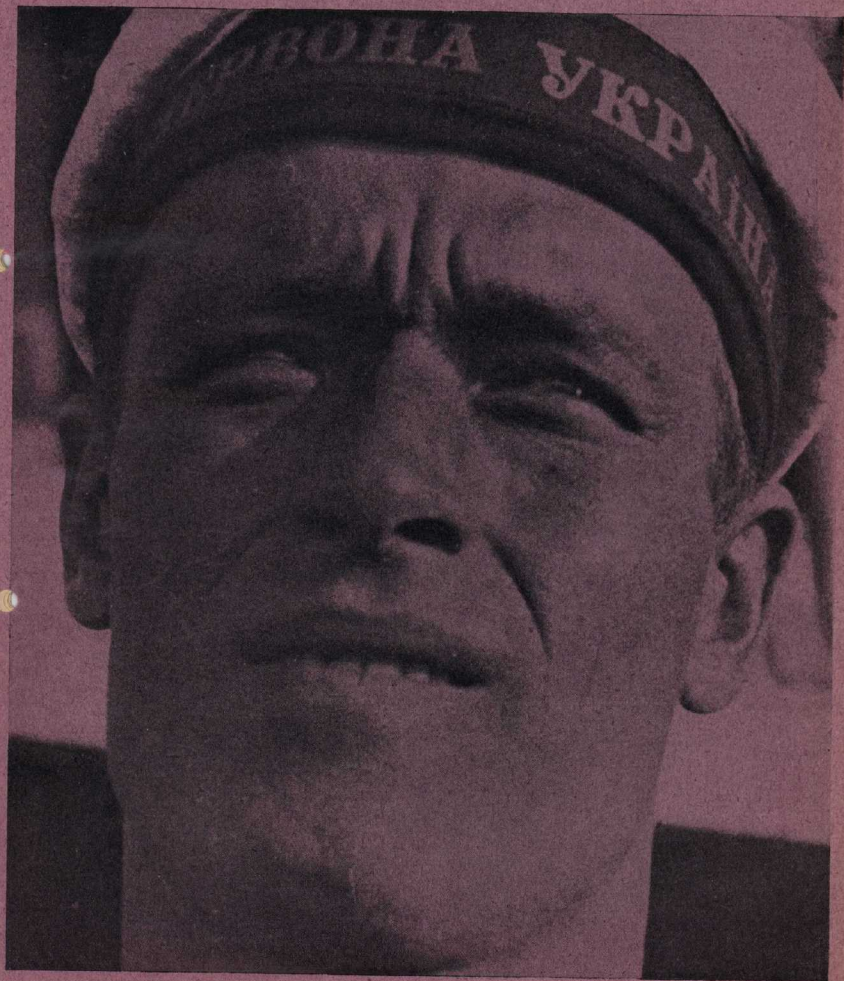

№ 9—1928

Цена 10 коп.

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Привет VIII всесоюзному съезду ВЛКСМ!

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. Слонима

Международный турнир в Вене окончился победой Рихарда Рети + 10½ из 15. Это первый крупный успех югославского гроссмейстера за последние годы. Р. Рети часто бывал в СССР (он играет на югославской шахматной доске в Голландии).

Р. Рети

В Вене много заметили его таланты, начиная с детства (с 7-го его участие в чемпионате югославского турнира, а потом в Москве и поочередно еще в некоторых национальных турнирах). Принимаю участие во венском турнире.

ПАРТИЯ № 5 Французская

Белые: Рети Чёрные: Шьявман
1. e2—e4 67—68
2. f3—f4 67—68
3. e4—e5 67—68
Этот вариант Шьявмана теперь почти не применяется, так как белые, выигравшие матом, безматно не дают
4. ... 67—68

Самый логичный ответ во французской партии:
1. e2—e4 Kf8—e6
2. f3—f4 c5—f4

Положение отделилось. Белые выигрывают матом и лучше развиты, черным же будет стремиться атаковать слабо место d4.

а. ... Fd8—b6
7. Kf1—e3 Kf8—d7
8. Cc1—e2 Kf8—d7
9. e3—e4 Kf8—d7
10. Kf8—d4! ...

Этим ходом белая коневидная ладья издвигает в центральный утробу черных — атакует пешку f4.

11. ... Fd8—b6
12. Cc1—e2 Cb8—d4
13. Cc2—f4 Fd8—b6
14. Kf1—e3 Kf8—d7
15. Kf1—e3 Kf8—d7
16. Kf1—e3 Kf8—d7
17. Kf1—e3 Kf8—d7
18. Kf1—e3 Kf8—d7
19. Kf1—e3 Kf8—d7
20. Kf1—e3 Kf8—d7

Как на струне, этот естественный ход белославно проигрывает партии!

16. Kf1—e3 Fd8—b6
17. Kf1—e3 Fd8—b6
18. Kf1—e3 Fd8—b6
19. Kf1—e3 Fd8—b6
20. Kf1—e3 Fd8—b6

После этого хода, проигрывающего 67—68 в главного атлетки на королевском фланге, черным можно сдаваться.

19. Kf1—e3 Kf8—d7
20. Kf1—e3 Kf8—d7
21. Kf1—e3 Kf8—d7
22. Kf1—e3 Kf8—d7
23. Kf1—e3 Kf8—d7
24. Kf1—e3 Kf8—d7

Шахматная доска.

Решения задач, помещенных в № 4 журн. „Смена“

Задача № 7. Б. Мендель.
1. Cb7—d8! тот ход не совершает непосредственно угрозу даша-мат на c6, но зато, если после любого хода черных уже поддается эта возможность. Такой естественный ход.

Задача № 16
Г. Готтшальд

Задача № 16
Г. Кислинг

Мат в 2 хода

Фамилия гг. приславших правильное решение, будут напечатаны.

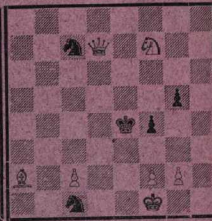
называется „Шутинский“ (Зинченко).
Если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!
Если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!
Если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!

Задача № 8. В. Барденор.
1. e2—e4 пешка пешку f5 и угроза мату Kf8—e6, если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!
Если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!
Если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!

Если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!
Если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!
Если 1. ... Kf8—e6, то 2. Kf7—d6!

Правильные решения прислали:
Задача № 7. Ю. Матусов (Валковский), Е. Сидоров (Орел), В. Кугель (Ленинград), П. Шмидт (Пальчик), Кайбатов (Кавказ), Коплов (Ульяновск), А. Вайнов (Томск), Шмидт (Ленинград).

Задача № 8. Н. Наумов (Владимир), Е. Сидоров (Орел), В. Кугель (Ленинград), П. Шмидт (Пальчик), Кайбатов (Кавказ), Коплов (Ульяновск), А. Вайнов (Томск), Шмидт (Ленинград).

Мат в 2 хода

Всех приславших гг. В. Задорова (Харьков), А. Кустов (Вярьск), А. Власов (ст. Мозовская), Б. Ноткин (Степановка), И. Каторов (Орел), Т. Вайнов (Кавказ), Д. Черныш (Москва), Р. Лавинский (Саратов), Н. Котлов (Ленинград), Г. Гугель (Москва).

В редакции поступило очень много неправых решений. Особенно трудным оказался этот. Все гг. фамилий которых не оказалось в числе решивших, в помещенном выше подборке решений, найдут указания на свои ошибки.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

„СМЕНА“ читайте о

ВСЕСОЮЗНОМ ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ ПО ПЕРЕПИСКЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА „СМЕНА“

ГОТОВЬТЕСЬ!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК И МК ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ, НАУКА И ТЕХНИКА, КИНО И ТЕАТР, ФИЗКУЛЬТУРА, ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

В номерах 1—7 напечатаны:

БОЛЬШОЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН И. Саркисова-Серезини. — „Потомок венецианского дожа“.

РАССКАЗЫ: Дюна Риде. — „История многих“, Мак-Американа (перевып на русском языке) Сергея Григорьева. — „Борьба“, А. Н. Грина. — „Легенда о Фергюссоне“, А. Карпена. — „Человек со знакомем“. Д. Крутикова. — „Дурак — полтора Захары“, А. Исаева. — „Возрожденная жизнь“, Антона Лепова. — „Отец“, Дм. Петровского. — „Неженское подставание“, Эдиссона Маршалла. — „Слон помнит“ (первая премия на конкурсе и. Генри в Америке, Абд. Шайк. — „Источники крови“, Ореста Ровинского. — „Одна ночь и др.“.

ОЧЕРКИ: Вл. Бонч-Бруевича. — „Третье апреля 1917 г.“ (из воспоминаний), Г. Бергмана. — „Лето и поля“, В. М. — „Идеи Канады“, Б. Галина. — „За порогами явочки“, Вл. Ерофеева. — „У подножия Тамара“, А. Зинина. — „На лужах и коньках“, Илья Лина. — „Хлеб, ситец, работа“, П. Лопатина. — „Великая невольница дорога“, — „Черная кровь“, Борьба за науку“, Вл. Ошанина. — „Люди Приамурья“, Н. Северяка. — „Лесной шельк“, С. Сергеева. — „Пешком по Средней Азии“, Л. Сторонина. — „Праздник льда и снега“ и др.

СТАТЬИ: „В партию Ленина“, М. Горького. — „Учиться надо, товарищи“, М. Грэн. — „Капиталисты готовятся к войнам“, „Пьяные корин“, „Десять лет Красной армии“, Ипполита. — „Великий фантаст“, „Железный Карл“, „Романы приключений“, Н. Оружейникова. — „Н. А. Некрасов“, „Отец велик Толстой“ и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ: „Комсомол в фото“, „В мире науки и техники“, „Физкультура“, „Комсомол в кино“, „Книжная полка“, „Шахматы“ (под редакцией С. М. Слонима), „Шашки“ (под редакцией В. В. Медкова), „Задачи и игры“ (под редакцией Л. Е. Рубинштейна).

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА ТОЛЬКО 10 КОП.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год — 1 р. 50 к.; 6 мес. — 95 к.; 3 мес. — 50 к.; 1 мес. — 18 к.

ПОДПИСКУ И ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ:

в Издательство ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“, Москва, Новая площадь, д. 6/8, во все почтовые конторы, в киоски Контрагентства Печати и в отделения центральных издательств.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСКОВСКОГО
НОМИТЕТОВ ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ. — ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ. — ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ. — НАУКА И ТЕХНИКА. —
НИНО И ТЕАТР. — ФИЗКУЛЬТУРА. — ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-81-01.

Подписная плата: 1 год — 1 р. 80 к.; 6 мес. — 95 к.; 3 мес. — 50 к.; 1 мес. — 18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 9

М А Й

1928

У ПРИМУСА

Рассказ М. ПЛАТОШКИНА. Иллюстрации А. ЛАПТЕВА

В этом рассказе, представляющем собою часть повести, над которой работает сейчас М. Платошкин — молодой комсомольский писатель, описывается, как комсомолец в ее чрезмерном после замужества увлечении домашним уютом и хозяйством забывает все, что лежит за пределами коммунистического мира. Наш читатель знает, что сломать и рядом такие комсомолки опираются от организации и их вносят в графу „выбывших“. С подобными явлениями надо вести самую жестокую борьбу.

ПАНЯ нарочно ушла с собрания, чтоб одной застать Федотову дома. Страх охватил ее за Нюрку. Последнее время она встречалась с ней совсем редко, и как-то между отрывочным разговором Нюрка сказала, что она очень занята в клубе, даже на собрание ходить некогда. Паниа верила и от того то особо за ней следила. А Катков просто огорчился иначе, когда сказал, что она не работает и в клубе. „Ж и отругую я ее, холеру! — сердито думала Паниа, торопливо платая по снежному, приятно скрипящему тротуару. Она знала Федотову, знала, что ее выговорами да разными наговониями через вейчку не доймешь, даже хуже заартачится. К ней нужно подходить отдельно, по-тонурически. „Надню, я ей и окая покажу сейчас звону! — улыбаясь она, заранее представляя ее мучное убитое лицо.

Нюрка что-то готовила на примусе, когда вошла Паниа. Из-за шинель и треска кипящего масла она не сразу почувствовала Панию, и та с горькой-ушмелькой разглядывала ее занитое, сосредоточенное лицо. Была она в широком розовом платье, и распущенные волосы ее густыми длинными прямиками обрамляли открытую шею. На лбу блестели капельки пота. Нюрка страдала их обратной стороной ладони и опять низко, словно близорукая, склоняла над сковородкой красное лицо и кончиком ножа ковыряла что-то на ней.

Вкусно и густо лахло жареной козбасой. Паниа ничего не слз с утра, и у нее так раздражающе защебетало в носу, что она даже чихнула.

Нюрка оглянулась, радостно вскрикнула „Паниа!“ и кинулась к двери, но в это время она на сковороде так отчаянно затрещало, что она, не добежав до Паниа, метнулась обратно, перевернула еще раз куски козбасы и, увернув поменьше примус, снова

бросилась к Пание. На полном сално блестящем лице ее была такая неподдельная радость, так крепко обняла она Панию и поцеловала в щеку, что Паниа даже растерялась. Приготовленный упрек застыл на ее губах, и она невольно улыбнулась.

Из-за шинель и треска кипящего масла она не сразу почувствовала Панию

— Тише обнимай-то, холера! Ты, как колбасница хорошая, раздобрела.

— Панечек, милая, как рада я... ой, как я рада! — она опять порывисто обняла Панию и опять поцеловала. — Почему ты ко мне так долго не заходила? Ты поди-ка, поди-ка сюда, как мы свою комнату обставили.

Она взяла ее за руку и силой втащила в соседнюю уютную комнатку. Прямо против двери стоял аккуратный красивый комодик под белоснежной нарядной

и такая уйма на нем была, наставлена разных коробочек, корзиночек, кошечек, собак и разных красивых безделушек, что ни у одного торговца не бывает такого богатого выбора. И все это расставлено, подобрано искусными любящими руками в красивый поселенский городок.

Нюрка подошла к комоду и, опираясь заворотившийся край накладки, с детской радостью обиралась к Пание.

— Месип назад купили, Панию... Ты смотри, прочный какой, удобный — верно? Я одна покупала. Знала, знала! Ужеску, он говорит: «поида ты к чорту с такими делами». Я и показала одна на Сухаревку. Отхватила извозчика себе... Верно, хороший комодик, да, Паниа? По крайней мере все белое мелкое у места, в комнате приятней... — Она отошла на шаг от комода, посмотрела на него, и глаза ее совсем скрылись от сияющей улыбки. — Вель, это что... красота! Верно, Паниа? А ты посмотри диван-то, диван-то какой купила я на неделю. Садиться жалко, ей богу! — Она осторожно присела на кончик розового бархатистого диванчика, надавила упругие пружины и вскрикнула. — Давно я хотела себе такой диван приобрести, а то что в самом деле, как чуть отдохнуть, постель надо мить, а то сесть на диван и хорошо, и в комнате с ним лучше, верно? Я сейчас как ползуча, так на базар... Шут ее знает, знаешь всего сколько нужно в хозяйстве: чашки, ложки, разные сковороды, тарелки, ведра, чорт их знает. Думаешь, накупила и девать некуда, а их и не видно. Чугунов вот никак не найду. Хороших чугунов нет, все дрянь какая-то, от них суп пахнет. Да... ты есть хочешь? Ах шут, явнична-то моя... —

Нюрка хлопнула себя обеими руками по щекам и, свалив подвернувшийся стул, вырвалась на кухню.

— Панек, посмотри-ка, вся до одного кусочка подгорела, с неподдельной обидой и досадой плаксиво закрывала она из кухни и заредела, должно быть, стаскивая сковороду.

Пани улыбаясь и с горечью оглядела красную комнату. Нюрка напоминала ей маленькую девочку, которая с гордостью показывает подругам свои новые куклы.

— Сгорела, Панек, ну, да ни черта, есть можно!—Нюрка вылетела в комнату с шипящей яичницей, отдернула зубами салфетку на столе и почти бросила (пальцы зная обжогла) сковородку на деревянный кружок.

— Садись, Пань, а то ты наверно весь день бегаша и пообедать некогда!—Она бережно сплоскала за вилками и хлебом, силой усадила Панию и сама облокотилась рядом на стол.

— Лешка мой придет, ему надо еще что-то купить... А я хочу, Пань, гардероб скоро купить. Как думаешь, стоит? Аккурат у меня для него место вот здесь, в уголке, а душно встанет. В ту подучку обязательно куплю. А то платья пылятся, костюм его пылится, одежда тоже. А тогда, по крайней мере, спокойней будешь, у места... А так их перемишь больше того... Ты ешь, ешь, чего ты... Я-то уж ужинала... Он на меня кричит, ты денег много трапишь на еду, а душно встанет. А какое же тут, Пань, мещанство, ты сама посудись, а чуту не разругалась с ним за это... Почему нашему брату нельзя в комнате устроить уют? Разве мы к красоте и порядку не должны стремиться, ведь, верно, Пань, так? А он как чуту? мещанство. А мне непонятно на него. Он на меня теперь и рукой махнул.

Какое-то тяжелое, тоскливое чувство стигнуло Панию. У ней даже аппетит пропал. Она смотрела на Нюрку, на ее наивную детскую радость и не то, что ругать, а напоминать не хотелось ей ни о чей-ке, ни о работе. Чувствовала, только заикнись чуту, и потуснеет Нюрка, будто у ней новую куклу любимую отняли. И жалко и обидно становилось ей за Нюрку: жизнь настоящую на куколки променяла и даже сама не замечает этого.

Она сглотнула несколько кусков комбасы и села на диван.

— Что же мало-то? Эх ты-ы!—обиделась Нюрка, — и я сплуду-то сожгла. Хочешь яич наварю тебе? Ну, вот... чего ж тебе?—Подсела к ней на диван и опять зашвела радостью.

— Как тебе наша комната нравится?

Паня подняла лицо, но и секунды не могла выдержать на себе ее счастливые добродушные глазки... отвернулась, уронила голову на руки...

— Ты словно так-та распушилась вся... гнездо свое приготовляешь?

— Да как же, Пань, ведь, надо!

— Обязательно надо, — передразнивала Паниа, раздражаясь от ее безобидного детского толоса. — Теперь здесь свою яичку устраиваешь, а ту совсем бросила?

— Какую яичку? О-о-о. Вот, Пань, ты сказала-то хорошо!—она громко расхохоталась, — вот именно яичку. Там большая яичка, а здесь маленькая. И маленькую надо хорошо устроить, здесь сил не накопчиваешь... Она опять с удовольствием засмеялась, радуясь своему выводу, и поцеловала Панию.

Та недовольно поморщилась.

— Правильно Лешка твой говорит: мещанство, брат, это. Если устраивать свою комнату бредом делом, — ничего, а если это ставить своей целью, то мещанство! Смотри, Нюрка, я боюсь за тебя. Ты, ведь, яичку совсем забросила. На тебя и Катков и Егоров, все жалуются. Так и на самом деле можно к мещанству скатиться.

...Тебя же жалко, хоперал!

Паня сказала это решительно, строго и так серьезно посмотрела на Нюрку, что та сначала вытаращилась, а потом такими закатились безудержным громким хохотом, даже диван под ней запыгался.

— Ха-ха-ха! Панечка... милая... Я-то, Нюрка-то, в мещанство скатится? Ха-ха-ха! Вот это ловко... А Катков жалуются, напелавать, он если мне шпильки подкладывал, пускай теперь... Ай, Паня, Паня, значит по-твоему я могу яичку бросить? — Она опять залилась радостным наивным смехом, и столько в нем было уверенности в себе, что Паниа даже смутилась.

— Ну как живешь, Нюр, с Макаровым? — беззащитно спросила она, чтоб оборвать ее смех и снова продумать за это время свои выводы. Нюрка опять наивно заулыбалась.

— Хорошо, как в детстве себя чувствовала, ей богато! Поминишь, как мы маленькие амазк выходили... Вот и у меня сейчас такое же чувство... И так хорошо себя чувствуешь дома, другой раз даже на соборание итти не охота. — Она заметила, что проговорилась и покраснела...

Паня усмехнулась.

— А ребенок будет, тогда и вовсе из дома тебя не вытаскишь.

— Брось ты меня пожалуйста расстраивать-то, дай-ка лучше чай пить, — сердито проговорила Нюрка, чувствуя себя не совсем удобно.

— Катись ты со своим чаем! Тебе, Нюр, серьезно говорят. Так и всегда, милая, идет. Сперва нравится покупать разные горшки, комоды, нравится сама готовить ужин, а появится ребенок, будет нравиться его нянчить, самой его пеленки стирать. Ты, Нюрка, смотри, ведь, тебя просто и вычислить могут. А там, глядишь, когда дети пойдут, фабрику бросишь, не станет денег хватать и будешь тогда своего Алешу лаять вместе с его партия.

Чего ж от тебя тогда останется-то? А, ведь, это свободно может быть, не одна ты скатываешься к обывательщине.

— Ну-да, ты наговоришь, — улыбаясь Нюрка, но в словах ее уже слышалась неуверенность и какая-то робость. — На фабрике работаю, муж комсомолец, сама комсомолка, и вдруг...

— Да чего там вдруг. Вдруг, вдруг... какая ты к чорту сейчас комсомолка? Эх, Нюрка, ведь, тебя же жалко, хоперал! Очнешься после, да поздно будет. Когда человек умрет, его не воскресают, а панихиду по нем служат, а ты на кого надеешься? Ну, плохой человек, а то активная, серьезная девочка и вдруг пропадает. Смотри, Нюрка, с огнем не шутят. Поиграла, поиграла, да и меру нужно знать.

Паня разгорячилась. Она почувствовала, как Нюрка незаметно для самой себя скатывается вниз, и обиды на нее разбирались, и досады, и как-то жалко было ее. И Нюрка почувствовала в ее словах жалость за себя и боязни и тоже смутилась. Она встала и расхаживала по комнате поблудневшая и растерянная.

Поздно пришла Паниа домой от Федотиной. Нюрка обещала все бросить и выйти за работу, но Паниа чувствовала, что говорит она это с перепуту, а домашняя уборка ей попрежнему нравится больше яички. И даже самой как-то чудно было... неуверенно понимающий человек может серьезно вести такую заману. Страх за Нюрку не проходил, и Паниа надеялась теперь на одно: устроит Нюрка совсем свою комнату, надоест ей бестолку жождать, и она снова углубится в яичку.

— Даже по работу ни разу не пошла, — с горечью вспомнила Паниа.

Каждый комсомолец,

Вся рабочая молодежь СССР —

должны стать читателями „СМЕНЫ“.

— Панек, посмотри-ка, вся до одного кусочка подгорела, — с неподдельной обидой и досадой плаксиво зарила она из кухни и заремела, должно быть, стаскивая сковороду.

Паня улыбулась и с горечью оглядела красивую комнату. Нюрка напомнила ей маленькую девочку, которая с гордостью показывала подругам свои новые куклы.

— Сгорела, Панек, ну, да ни черта, есть можно!—Нюрка встала в комнату с шиницей янсенией, отдернула зубами салфетку на столе и почти бросила (паузы зная обложка) сковородку на деревянный кружок.

— Садись, Паня, а ты ты наверно весь день бегаша и пообедать некогда!—Она бегом соскочила за вилками и хлебом, силой усадила Паню и сама облокотилась рядом на стол.

— Лешка мой придет, ему надо еще потовить... А я хочу, Пань, гардероб скоро купить. Как думаешь, стоит? Аккурат у меня для него место вот здесь, в уголке, я думаю встанет.

В ту получку обязательно куплю. А ты платки пылаешь, костюм его пылаешь, одежда тоже. А тогда, по крайней мере, спокойней будешь, у места... А так их перемишь больше того... Ты ешь, ешь, чего ты... Я-то уж ужинала... Он на меня кричит, ты денег много трапишь на ернду, это говорит все мешанство! А какое же тут, Пань, мешанство, ты сама посуди, я чуть не разругалась с ним за это... Почему нашему брату нельзя в комнате устроить уют? Разве мы к красоте и порядку не должны стремиться, ведь, верно, Пань, так? А он как чуть мешанство. А мне наплевать на него. Он на меня теперь и рукой махнул.

Какое-то тяжелое, тоскливое чувство стегивало Паню. У ней даже аппетит пропал. Она смотрела на Нюрку, на ее наивную детскую радость и не то, что ругать, а напоминать не хотелось ей ни о ячейке, ни о работе. Чувствовала, только заинтересовалась, и потускнел Нюрка, будто у ней новую куклу любимую отняли. И жалко и обидно становилось ей за Нюрку: жизнь настоящую на куколки променяла и даже сама не замечает этого.

Она села несколько кусков колбасы и села на диван.

— Что ж мало-то? Эх ты-и!—обиделась Нюрка, а я и сдуру-то сошла. Хочешь, иди наварю тебе? Ну, вот... чего ж тебе?—Подосла к ней на диван и опять зашла радостно.

— Как тебе наша комната нравится?

Паня подняла лицо, но и секунды не могла выдержать на себе ее счастливых добродушных глазок... отвернулась, уронила голову на руки...

— Ты словно тапка распушилась всея гнездо свое пригрозилась?

— Да как же, Паня, ведь, надо!

— Обязательно надо, — передразнила Паня, раздражаясь от ее безобидного детского голоса. — Теперь здесь свою ячейку устраиваешь, а ты совсем бросила?

— Какую ячейку? О-о-о. Вот, Пань, ты сказала-то хорошо!—Она громко расхохоталась, — вот именно ячейку. Там большая ячейка, а здесь маленькая. И маленькую надо хорошо устроить, здесь силы накапливаем. — Она опять с удовольствием засмеялась, радуясь своему выводу, и поцеловала Паню.

— Ты недовольно поморщилась.

— Правильно Лешка твой говорит: мешанство, брат, это. Если устраивать свою комнату между делом, — ничего, а если это ставить своей целью, то мешанство! Смотри, Нюрка, я боюсь за тебя. Ты, ведь, ячейку совсем забросила. На тебя и Катков и Егоров, все жалуются. Так и на самом деле можно к мешанству скатиться.

...Тебе не жалко, холера!

Паня сказала это решительно, строго и так серьезно посмотрела на Нюрку, что та сначала напугалась, а потом таким закатилась безудержным громким хохотом, даже диван под ней запыртал...

— Ха-ха-ха! Панечек... милая... Я-то, Нюрка-то, в мешанство скатится? Ха-ха-ха! Вот это ловко... А Катков жалуется, наплевать, он если мне шипилью подкладывал, луский теперь... Ай, Паня, Паня, значит по-твоему я могу ячейку бросить? — Она опять залилась радостным наивным смехом, и столько в нем было уверенности в себе, что Паня даже смутилась.

— Ну как живешь, Нюр, с Макаровым? — безучастно спросила она, чтоб отвлечь ее смех и снова продумать за это время свои выводы. Нюрка опять наивно заулыбалась.

— Хорошо, как и в детстве себя чувствуюсь, ей бог! Помнишь, как мы маленькие замуж выходили... Вот и у меня сейчас такое же чувство... И так хорошо себя чувствуюсь дома, другой раз даже на собрание идти не охота. — Она заметила, что проговорилась и покраснела...

Паня усмехнулась.

— А ребенок будет, тогда и вовсе из дома тебя не вытащишь.

— Брось ты меня пожалуйста расстраивать-то, давай лучше чай пить, — сердито проговорила Нюрка, чувствуя себя не совсем удобою.

— Катись ты со своим чаем! Тебе, Нюрк, серьезно говорить. Так и всегда, милая, идет. Сперва нравится покупать разные горшки, комоды, явиться самой готовой, ужин, а появился ребенок, будет нравиться его нянчить, самой его пеленки стирать. Ты, Нюрка, смотри, ведь, тебя просто и вычистить могут. А там, глядишь, когда дети пойдут, фабрику бросишь, не станет денег хватить и будешь тогда своего Алешу давать вместе с его партия. Чего ж от тебя тогда останется-то? А, ведь, это свободно может быть, не одна ты скатываешься к обывательнице.

— Ну-да, ты наговоришь, — улыбулась Нюрка, но в словах ее уже слышалась непереносимость и какая-то робость. — На фабрике работаю, муж комсомолец, сама комсомолка, и вдруг...

Да чего там вдруг. Вдруг, вдруг... какая ты к чорту сейчас комсомолка? Эх, Нюрка, ведь, тебя же жалко, холера! Очнешься после, да поздно будет. Когда человек умрет, его не воскресают, а панихида по нем служат, а ты на кого надеешься? Ну, плохой человек, а ты активная, серьезная девочка и вдруг пропадешь. Смотри, Нюрка, с огнем не шутят. Поиграла, поиграла, да и меру нужно знать.

Паня разгорячилась. Она почувствовала, как Нюрка незаметно для самой себя скатывается вниз, и обидла на нее разбилась, и досада, и как-то жалко было ее. И Нюрка почувствовала в ее словах жалость за себя и боязнь и тоже смутилась. Она встала и расхаживала по комнате поблудившая и растерянная.

Поздно пришла Паня домой от Федотовой. Нюрка обещала все бросить и заняться за работу, но Паня чувствовала, что говорит она это с перепугу, а домашняя уборка ей попрежнему нравится больше ячейки. И даже самой как-то чудно было... неужели понимающий человек может серьезно вестись такой замесу. Страх за Нюрку не проходил, и Паня надеялась теперь на одно: устроит Нюрка совсем свою комнату, надоест ей бестолку вожжаться, и она снова углубится в ячейку.

— Даже про работу ни разу не спросила, — с горечью вспоминала Паня.

Каждый комсомолец,

Вся рабочая молодежь СССР —

должны стать читателями „СМЕНИ“.

ПРАВО НА СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ

Рассказ А. СКВОРЦОВА

Крест за пазухой комсомольца! Может ли быть такой случай, когда бы крест не являлся признаком религиозности комсомольца? И есть ли о чем тут спорить?.. И только ли в кресте тут дело? Не бывает ли часто так, что мы из-за какого-либо пустяка обрушиваемся на товарища, совершенно не разобравшись в обстоятельствах?

Эти вопросы возникают при чтении рассказа Скворцова. Виновен ли и в чем Ленка Вершок и прав ли и во всем ли прав Сухов — прилащем высказаться читатели.

НЕ УСПЕЛ Гамарин, секретарь комсомольской ячейки, объявить о закрытии заседания бюро, как снова вспыхнул спор между Ленкой Вершок и Мишкой Суховым. Вершок — худой и длинный, с взъерошенными темно-бурыми волосами, равшился из-под сдвинутой на затылок кепки, налезал на низкорослого коренастого Сухова, медленно отступавшего к стене, размахивал кулаками и хрипло выкрикивал:

— Я, дорогой товарищ Сухов, ни в бога, ни в торты не верю, чуть ли не с пеленок! Так-то и без фундаментов можем обойтись! Нет бога, и Алеша-ша: никаким там историй и естествознаний, и ну тебя к лешему!

Сияясь унять горячность, стараясь говорить спокойнее и заходя за стог от наступавшего Вершка, Сухов пытался доказать необходимость знакомства с естествознанием и историей религии, — что бы никогда в будущем не подаваться религиозности, — но его попытки разбивались об Ленкино упорное нежелание прислушаться к мнению другого. Спор перешел в перебранку. Гамарин усталю крикнул:

— Ну, что вы, как два кобеля, сцепились!

Скрипнула и разинулась дверь. На пороге возник рыжебородый, в коричневом армяке, захлестнутом красным кушаком, крестьянин. Виноватю удивился и стянул с головы изодранную, издавливающую шапку.

— Не тут ли Сухов, Михаил Егорыч?

— Я за него.

— Мне бы его самого, — все с той же виноватой улыбкой попросил крестьянин.

— Да он самый и есть. Тут уж так! — злобно выкрикнул Вершок.

— А-а, по-городскому, значит. Здрасте, Михаил Егорыч. Здрасте, товарищи... Не узнаете нас. Где уж узнать. Сколько лет прошло. Землячок я ваш, Моевев, слышали?.. — словоохотливо и возбужденно заговорил крестьянин, с недоверием оглядывая своего земляка.

— Ну-у! — испустил радостный крик Сухов. — Как же, знаю. Проходите сюда, усаживайтесь, рассказывай... Ну, как там? Я вас помню.

— Был у те на фатере, да сказываю там, что ранние ночи не вертаешься, и я подался суды... Чено ж, думаю...

— И хорошо сделали... Закуривай.

— Пчанинчик? Спасибо... Только приехал-то я... — крестьянин запнулся, крякнул, цокнул языком, глубоко вздохнул, поцарапал за волосатый ухом и бесцельно махнул рукой.

— Что? Иль беда? — забеспокоился Сухов, придвигаясь к гостю. — Ну, говорите...

— Не, с добром приехал...

— Иль с матерью что? Да не тнян-те! — Сухов вцепился в армяк и трихнул гостя.

— Матушка ваша...

— Что же? — пальцы, лежащие на плече крестьянина, судорожно вздрогнули и, виваясь ногтями в ладонь, сжалась в кулак.

— Как это... Матушка ваша... что ж, ничего... Багаж мой а поезд-то чуть не стащили... Минутку бы ницо подремал, и поминай как звали... А матушка ваша... всежму свое. Брателихк ваш управляетесь. Подразили его эти по... ну, наологи...

Сухов начался подлаживать, что за суетливой спотыкающейся речью земляка скрывается какая-то тяжелая правда, высказать которую ему непонятно. Он настороженно прислушивался к голосу и словам гостя, поддакивал и снова спрашивал про мать и, замечая смятение его при этом вопросе, мрачнел от своих жутких догадок.

— Матушка-то?.. Все под богом ходим... Приказала долго жить, — отвернувшись от Сухова, распушив рыжую бороду по своему плечу, почти шепотом выговорил крестьянин. Заскорузлым пальцами вертел незакуренную папироску — или забыл о ней, или не решаясь в эту тяжелую минуту закурить.

Сухов опустился на скамейку, сгорбился, посеребрившим лицом поник над грязным полом и только сейчас заметил, насколько он грязен и заплеван. «Надо сказать уборщице, чтобы подмела, а то знает только скалиться, хотя и мы сами могли бы это проделывать, не трудно, рук не обломаем. Отмахнувшись от не-

уместных мыслей, прикусил знозявшие губы. Хрустнула пальцами и, приподняв голову и растерянно улыбнувшись, спросил:

— Как же это она?..

— Похворала с недельку я... А я собирался к сну, мне и приказали зянт к тебе, да в суматохе адрес затерялся... не известил тебя. А сын мой здесь...

— Вась я се четыре года не видел... А перед смертью — чуяла, что смертушка пришла — приказала... Брателихк-то твой посмеялся, куда, говорит, ему... И мой старшой туда же, укажились, а он... Ну, я все-таки взялся. Ни от кого-нибудь, от матери... И сынок-то мой...

Сухов поднял голову. На растопыренной черной ладони крестьянина тускло поблескивал маленький замызганный жестяной крестик.

Сухов отвернул взгляд в сторону, потом перевел его на гостя и, заметив в глазах его участливую ласковость, взглянул на вытянутую руку, на предсмертный подарок матери и отвернулся. Нервно вздрагивающие пальцы алохотливых волос, скользнули на шею, лотом на грудь, упали на колени, больно царапая их сквозь засаленные брюки.

Ничего больше не прикаивала... Да и какое у сй добро-те... Нечего более... виновато сказал крестьянин и, будто хотел он узнать все беззвонного подарка, покачал рукой.

Сухов протянул руку, но быстро отдернул ее, шлепнув ладонью по ноте.

— Откуда ж у сй... — грустно улыбнулся он и, понурил голову и закрыв глаза, замер. Где-то внутри него замелькали, как в бреду, сменяя друг друга: черные бревенчатые стены, растопырившая по всей избе печь, чашка с дымившимся паром, старушка, ласково похлопывая свою руку на голову вихрастого мальчика чонки; длинный сутулый мужик с вожжами в угрожающе поднятой руке над зажатой между его ног вихрастой головой мальчика и цепившаяся вожжи старуха; Ленка Вершок со своими сторожащими злыми глазами; ладонь, опущившаяся тыльной стороной на армяк крестьянина и все еще протигивавшая жестяной убогий полпирок; стерегущие глаза Гамарина, заставшего какие-то бумаги; старушка, ласковая и тихая, запиная горячий пирог за пазуху веснушчатому мальчонке; сотни осуждавших глаз, взмах рук, желтая глиняная книжечка, оброненная на столе и вдруг всунутая чьей-то быстрой и суровой рукой в синюю папку; зеленый горбик над землей и почернение, исхлестанные ветрами и дождями кресты, и маленький жестяной крестик на желтой пох-

Сухов опустился на скамейку, сгорбился...

4

КОМСОМОЛЬЦЫ У ИЛЬИЧА В 1920 г.

Воспоминания Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧА

МНЕ хочется вспомнить и рассказать моим читателям об одной встрече Владимира Ильича с комсомольцами в 1920 году, которую мне пришлось наблюдать.

После того, как Колчак был окончательно разбит, с Восточного фронта прибыли плавящиеся боевой энергией, еще обремененные множеством разнообразных впечатлений труднейшего из фронтов, около тридцати человек комсомольцев — представителей разных фронтовых организаций и частей, посланных к Владимиру Ильичу. Ильич с охотой, скоро, предупредительно, по-отечески заботливо принял их у себя в кабинете в Кремле. Когда эта брава молодёжь вошла строго, по-военному к нему и когда он ласково пожал каждому руку и предложил сесть, я видел весь восторг в их глазах, беззаветную преданность делу коммуниста. Я чувствовал, что Владимир Ильич принял самую трудную боевую задачу, где бы они должны были бы серьезно рисковать своей жизнью, они бы охотно и отважно пошли бы на все, даже если бы знали, что им предстоит погибнуть.

Владимир Ильич, видимо, сразу подметил их душевное состояние и, как действительно великий сердцевед, быстро угадывавший настроение тех, с кем он общался, он, наклонившись к столу, стал беседовать с ними тихим-тихим, успокаивающим голосом. Молодые, полблестящие глаза вникали в него; румянец играл на щеках возбужденной молодёжи, а Ильич, не дожидаясь ответов, рассказывал им о задачах Восточного фронта, которые уже теперь почти решены, и что их участие в этом великом походе, их бой, сражения и жертвы никогда не забудет революционная Россия, революционный пролетариат, что теперь напряжение проходит и что он очень рад, что их демобилизовали, — молодёжь ваднигалась при этих озорчатых для них словах, — но что это вовсе не значит, что они будут без дела.

— Вы приобрели уже жизненный опыт, вы видели жизнь таковой, какой она есть на самом деле, и вы возвращаетесь к мирному строительству выросшими, окрепшими, коммунистически более проникновенными, чем были ранее, и рабочие кварталы нам будут очень рады.

И Ильич вдруг стал по очереди расспрашивать каждого, где он живет, что около них, что жилища дома, а чем они нуждаются да как устроены. Оказалось, что эти юноши, — большинство из рабочей среды, — прекрасно знают окружающих и свои кварталы.

— Вот и отлично, — сказал Владимир Ильич, — я советовал бы вам объединиться в двойки, тройки и приняться за самую необходимую работу тут же, везде, по соседству. А работы ведь пропасть! Нам нужно биться за культуру, ведь мы не отстаем страшно... У нас нет самого необходимого в этой области, самое необходимое давно, чем, например, наши соседи немцы давно достигли результатов даже при буржуазном режиме. В какой грязи мы живем, в каких антигигиенических и анти-

санитарных условиях, в болезнях, проинкутированные всеми мещанскими, мелкобуржуазными предрассудками быта, поповщины, в религиозной отраве, в безграмотности и прочих наших социальных недугах.

Молодежь недоуменно смотрела на Владимира Ильича, совершенно не усваивая себе esse смысла его слов.

— Конечно, — продолжал Ильич, — со многим можно и должно бороться общесоциальными мерами, переустройством всего общества, но многое, очень многое зависит от нас самих. И здесь, как и везде, в этих областях самостоятельность пролетариата должна проявиться особенно ярко и всеобъемлюще. Специалисты и ученые все расскажут, покажут, а в жизнь проводить придется самим, везде, в каждом углу. И чем хуже угол рабочего в подвале или на чердаке, — ведь мы еще не успели всех рабочих обеспечить хорошими квартирами, — здесь особенно энергичная должна быть пропаганда культуры, и не только пропаганда языком, но показом, делом,

Ленин — вдохновитель ополчения (из фильма «Одиннадцатый»)

организацией, прямой помощью. Вот вы все, повздаввшие уже жизнь и приобретшие опыт, должны быть застрельщиками в этом деле. Когда отдохнете от тяжелой жизни на фронте, соединитесь в двойки, в тройки, свяжитесь с районной организацией, с санитарными ячейками, ячейками охраны труда и отравляйтесь в новый поход. Вы окунетесь в самую гущу жизни и сейчас же встретите комнаты, наполненные тараканами, клопами, вшами, заедущими детей, распространяющими болезни и показывающими всю ужасную нашу отсталость. За границей нет ни клопов, ни тараканов, ни вшей, а лет шестьдесят тому назад их также там веда было много, и соседние народы упрекали друг друга этой нечистотой. У нас называют тараканов «русскими», а в Германии тех же тараканов — «русскими»! Но только в Пруссии их уже почти нет, а у нас от них некуда деваться! Так вот надо пойти по рабочим районам и начать эту примитивную борьбу за чистоту, за опрятность. Надо научиться проветривать комнаты, мыть руки перед едой, не курить там, где другие живут, спят и едят, а лучше совсем отвыкнуть от этой пагубной привычки, не ложиться на постель в грязной одежде, в сапогах. И так, одно за другим,

пойдет все, и мы сможем покрыть рабочие кварталы такими волевыми организациями, борющимися за культуру, — организациями, которые бы неустанно и успешно проводили бы в жизнь все требования культуры. Получно вы встретите людей, опутанных религиозными предрассудками и не знающих, как от них избавиться, оторваться, найдите заброшенных детей, которых надо вовлечь в наши детские и юношеские организации; беспомощных и эксплуатируемых женщин и многое другое, к чему для исправления надо приложить руки. В самом тесном единении со своей организацией вы все это прекрасно выполните, но только эта работа длительная, упорная, трудная, и даже скучная, но чрезвычайно важная. И мы должны ее сделать во что бы то ни стало, начав сначала повсеместно в городах, а потом и в деревнях.

Молодежь совершенно растерялась от плана этого нового и неожиданного похода. Если бы Владимир Ильич предложил бы им произвести революцию на луне, то вероятно, для них эта задача была бы более понятной — и они тотчас бы стали выработывать проекты «завоевания луны», — чем-то житейский план, который начертал перед ними так ярко и просто Владимир Ильич.

После дальнейшего обмена мыслями молодёжь растаяла с Владимиром Ильичем озабоченная, некоторые были явно разочарованы и шли поутру голоду. Вскоре после этого уже на III съезде комсомола Владимир Ильич произнес слово знаменитую речь к молодёжи, где знал ее к серьезной учёбе, к культурной работе, к борьбе за новый быт и переработку себя самих в культурных людей.

Что хотел сказать Владимир Ильич в этой своей замечательной речи молодёжи, готовой идти на всякие жертвы, что хотел сказать он так давно, еще в самый разгар гражданской войны? Разве хотел он отапливать людей от огромных задач нашей эпохи? Разве хотел он подрезать крылья молодёжи? Разве хотел он в этих мелких делах кого-либо принизить, удалить от большого, дамавать на мелочня? Отнюдь нет и тысячу раз нет!

У нас так повелось, что и до сих пор часто многие думают, что работать над усовершенствованием человека, над его бытом, его психикой — это мелочи. Нам давал побольше, покрывай, повыше! А на самом деле, что может быть прекрасней помощи переродиться, пересоздаться человеку, уйти от старого, проклятого, давящего к новому, светловому, маяющему в прекрасные дали, новой свободной жизни! Здесь должна созидаться беспрерывная цепь, своеобразный конвейер, который должен безостановочно тащить и тащить человека ко всем мастерам дел, новой культуры, которые бы, трудясь на всех сил, обтачивали бы, обструивали бы, обламывали бы его.

Будем же делать на эту пути создания нового человека первые, роющие, малые шаги, помня и твердо зная, что малое в коллективе, во множестве, по непреложному математическому закону больших чисел, превращается и не может не превратиться в великое.

МОПОДАЯ СМЕКАЛКА

(НОМСОМОЛЫЦЫ - ИЗОБРЕТАТЕЛИ)

Очерн М. ГРЭНА

ТЕКУТ изобретательские заявки: за три года существования нового закона о патентах — 22 тысячи с лишним, из них три с половиной тысячи запатентовано ценных усовершенствований и крупных конструкций. Что ни год — быстрее поток и выше качество изобретений: 1924—25 г. — 690 патентов, 1925—26 г. — 1,019, а за 1926—27 г. — уже две тысячи без малого. Среди изобретателей много мажорантовых рабочих, не умеющих вычертить какую-нибудь простую зубчатку. Они обвиваются седьмым потом над расчетами и моделями, роются и злятся на высоких лестницах высоких учреждений от солидно-внушительного тона «спецов», от сложной, невразумительной для них канцелярской переписки, от рокового для многих плаката:

ПРОЕКТЫ ВЕЧНЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ К РАССМОТРЕНИЮ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ

У иных «за душой» ничего и не числится, кроме «волшебного» проекта: от технического невежества до розовых облаков фантазии — один шаг. Иные (скажу по секрету) за годы кождения на «станциях» сами в конце концов превращаются в «живые двигатели». Но в общей массе наш рабочий изобретатель с его неустанной энергией и творческим порывом — передавать, совершенствовать, создавать новые формы и конструкции — является настоящим «вечным двигателем» социалистического строительства...

А ГДЕ НЕ МОЛОДЕТЬ?

На заводах и фабриках. Если искать через бюро содействия рабочему изобретательству — найдется очень мало.

Почему бы такое? Неужто здесь наша молодежь мало проявляет себя? Нет. Действую ребята, могут, бывает — и не редко — не спят ночей, родят идеи, которых частенько ни карандашом, ни рефлексодом выразить не сумеют, а для сельской бедности советской, для сельского хозяйства большие ценности создают. Но учитывать их никто не учитывает.

Эпизод фотокора Бударина

За радио-«проблемами»

Многие реализуют свои усовершенствования и изобретения прямо на предприятиях — до научных институтов и бюро содействия вовсе не доходит. А те, что доходят теряются в общем узле. Вот обобщаю сейчас заметки на личных карточках изобретателей возрастную графу. Тогда — другой разговор. А пока что — гуляйте, ищите по заводам, школам и деревням СССР: нет-нет, да и нападете на большое, интересное изобретение. Вот несколько примеров.

ПОПОВ МИХАИЛ

«Эх, и река, и краса — широкий Дон! Скорый явится черт-пугач в поход собираться» — говорит Попов, и уставшие глаза его загораются. Усталость от мыкания по учреждениям, от учебы и жизни впрогнано, от 15-часового «рабочего дня» (рабфак + общественная нагрузка + изобретательство)...

Когда навалились на бедноту кулаки-станинчики с белым офицерством, дороги не выбирал Иван Попов. С одиннадцатилетним сыном Мишкой ушел он в добровольцы в Красную армию; отец — начальник продотряда, парек — рассыльный. Два года носило Мишу по центральным губерниям, по Украине и родному Дону, пока не стал отцом на разведке в богатой станице Константиновской. Ответ пария отец к знакомому слесарю, бывшему пулеметчику отряда:

— Ну-ка, друг, возьми в работу — ремесло твое верное...

Проучился Миша годолные годы — вышел подручным, поступил в мастерскую профколла, потом работал на постройке электростанции, на сооружении большого шлюза, на электромоторах. Много чего перевидал и перепробовал за эти четыре года. Тогда-то, еще в профколле, стало пария подыматься: строил без знаний, самоучкой, маленькие динамо, делал паровую машину с качающимся цилиндром, завадил крохотную комнатку моделими, частями, всяким хламом. Отец после фронта и тяжелой голодовкой заболел, работать не мог — приходилось сверхурочными семью поддерживать. Для изобретательства только ночь оставалась (не даром у 20-летнего

забросили, потому что практической пользы никакой не получалось.

В 1926 году задумался Попов над аэропланным крылом особой конструкции. В то время работал он на постройке шлюза в станице Семикавказской, — здесь же спроектировал турбину для своего нового самолета. Но лотом уехал в Ростов и почти забыл о проекте. Встречает как-то знакомого рабочего пария, тоже изобретателя. Разговорились:

— Ты что же молчишь, — ведь дело не пустяк, можно здорово динуть...

И в самом деле диннул: когда изготовил чертеж и сдал в краевой СНХ, то уже в 1927 г. «турбина», или, как ее величают специалисты, коллоидный двигатель внутреннего сгорания, была запатентована. А в январе текущего года на руках у Попова оказался такой отзыв проф. Озоларса, зав. лабораторией термических двигателей Донского Политехнического Института:

«... Коллоидный двигатель представляет собой в высшей степени оригинальный двигатель внутреннего сгорания, обладающий рядом положительных качеств по сравнению с существующими поршневыми двигателями внутреннего сгорания...»

... Идея, положенную в основу конструкции, нахожу вполне правильной; практическое же осуществление этой идеи, полагаю, встретит ряд затруднений, однако, не непреодолимых для первоклассного машиностроительного завода.

По другим отзывам, двигатель Попова отличается легкостью и, помимо авиации, может быть после небольшой переделки приспособлен для тяжелой индустрии, в автомобильном деле и т. п. К числу его достоинств относится также большая отдача тепла (экономика горючего), малое число частей и плавный ход.

За двигателем настала очередь аэропланного крыла, над которым Попов еще раньше думал. Это крыло, запатентованное в том же 1927 году, отличается малым размахом, в силу чего оно дает минимальное использование полетной силы и скорости движения больше обычной. Своеобразная форма крыла умень-

Эпизод фотокора Бударина

Изготовление модели

Тов. Куриневич, слесарь новосибирского завода «Труд» — изобретатель спасательного пояса

шает сопротивление воздуха и сообщает полету значительную устойчивость.

Последнее изобретение Михаила Попова — прибор для передачи вращательного движения в возвратно-поступательное, имеющий также ряд преимуществ перед существующими приборами. В марте Попов — при поддержке Красного СНХ и партийной организации — приехал в Москву для участия в окончательной экспертизе своих изобретений.

Михаил Попов учится на дневном рабфаке, живет на стипендию; кроме серьезных академических занятий, несет комсомольскую нагрузку (член бюро ячейки). Изобретательство — урывками за счет самого минимального отдыха. Вдобавок силы надорваны долгими годами скитаний и голода. Как же относится к этому сам Попов? Так же, как и всякий комсомолец: пока можно терпеть — и ладно; дальше видно будет. Вот канюкды скоро, на Дон закатимся, — тогда целый день из воды не вытащишь...

Куриневич Михаил

Молодой новосибирский слесарь Куриневич так и пышет здоровьем. Его не сломила тяжелая работа и невзгоды прошлых лет, хотя и ему не мало пришлось испытать на своем веку. Отец — железнодорожник — умер еще в 1917 году, оставив после себя кучу ребят. Семью содержала старшая дочь на скромное жалованье телеграфистки. Мила Куриневич тогда еще мало торчала; заступит змей в высоту победоносую — и доволен. Только бы повыше других детал.

Но уже 11—12 лет пришлось помогать семье: знакомые на лето устраивали его нянкой (да, да — засадишь ли нянкой) в алтайской деревне, а на зиму он возвращался к семье в Новосибирск. Ездил Миша, как водится, зайцем, немалое знакомство свел с беспризорниками, но характер выдержал и на соблазны вольной жизни не пошел. А с 15 лет уже в ав-

томатерских учеником «труби», сам на себя зарабатывал — целых 9 рублей в месяц! Тут-то и стало его подымать что-нибудь изобрести необычайное, чего никому и не снилось. Но занятия физикой скоро заставили его отказаться от ребяческих фантазий, а с 1925 года он начинает вести настоящую изобретательскую работу.

В прошлом году Куриневич окончательно разработал проект спасательного пояса, который, по заключению специалистов из Сибирского СНХ и Общества спасения на водах, должен заменить собой все существующие приспособления подобного типа. Пояс этот в массовом производстве должен стоить очень дешево и чрезвычайно прост по своему внешнему устройству. Он представляет

Наказ, выданный тов. Куриневичу конференцией новосибирского комсомола и хозяйственных организаций

собой трубку из водо- и газонепроницаемой материи с коробочкой, содержащей особый химический состав. Как только пояс попадает в воду, он автоматически заряжается и может держать человека в течение нескольких суток на поверхности воды. Секрет Куриневича сильно заинтересовал немецкую путешественницу Стеннес, и она пыталась купить молодого изобретателя, предложив ему крупную сумму денег и проезд в Германию. Но парень оказался «не продажным» — не даром он прошел комсомольскую школу! — и предложил отдать изобретение пролетарскому государству.

А работать было нелегко. Настоящее содействие встретил Куриневич у работников спортивной организации «Динамо», но изрядно тормозили спецы из Сибирского СНХ, с трехэтажной высоты смотревшие на подручного слесаря с литейного завода. И даже свои же товарищи-рабочие смеялись над Мишиными «фокусами». Николай Иванович говорил: — Если ты, Миша, что изобретешь — живьем в топку затеку!

А другой (стадно сказать — парнем) подкидывал: — Вот что хопь — тогда изводи меня дураком...

И что же — пришло такое время. Были превращения перед Куриневичем и другого рода. Чертежи давались с большой палочкой, а ханья еще время прожгла жестокою шуткой и раз полукла-милла-таки парня: отбросило его зарывом в другой конец комнаты и так в лицо ударило, что неделю на больнице пролежал, не раскрывая глаз.

Наградой было законченное изобретение — поддержка комсомольской организации. Когда Сибирский СНХ в конце концов признал изобретения ценным и решил отплатить Куриневичу в награду за реализацию, окружной комитет устроил в Новосибирском театре чувствование, дали Мише на прощание золотыми буквами тисненый наказ, в котором, между прочим, говорится:

«Твоя задача заключается в том, чтобы:

во-первых — всю энергию, умение и настойчивость отдать на дело улучшения нашего производства;

во-вторых — твердо, четко, побольшевики до конца повышать свой теоретический уровень;

в-третьих — держать непосредственную связь с родной тебе организацией — комсомолом и местными ребятами-комсомольцами и производственниками.

Большевистская выдержка, самокритика, непреодолимое стремление помочь социалистическому строительству должны быть твоими верными спутниками».

Куриневич приехал в Москву и сразу пошел по самым высоким инстанциям. Пояс его, а может быть, и другое изобретение (мотор внутреннего сгорания) пойдут в ход.

Правильно сказали новосибирские товарищи. Ведь с каждым человеком и особенно с молодым парнем может, грешным делом, случиться: распишут, расхвалят, — глядишь, и нос задрал к облакам. Или, наоборот: зацепился за какой сучок (а на пути изобретателя не то что сучки, целые бревна могут встретиться) — и сразу обмал, обвис, опустился на дно.

Кимовский значек и здесь свое скажет.

Тов. Пибкабер — изобретатель мощного радиопередатчика с прожектором тона через лампу, наполненную разреженным воздухом

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Шлите в редакцию журнала «Смена» корреспонденции о работе молодых изобретателей, об участии рабочей молодежи в рационализации производства, делитесь своим опытом!

В ПЕРВЫЙ же мой приход на завод приземистый, но статный секретарь ячейки комсомола, Житухин, поволок меня в свою библиотеку.

— Пойдемте! Пойдемте, я вам покажу нашу настоящую активистку!

Он торопил меня очень рывно, отчаянно.

Мы и то дивились над ней всем заводом! — не удержавшись, восклицает он на ходу. — Прямо герой нашего культурного и хозяйственного строительства.

Мы шли быстро, чтобы застать ее до начала кружка. Вечерний сумрак уже опустился на заводский двор быстро, но равномерно, как мелчайшие струи из сетчатой воронки душа.

Захлебываясь, рассказывал Житухин о комсомоле всю дорогу.

Неутомимая, незаменимая! Редкий организатор, смелый борец. Можно сказать, огненная душа всего завода! Где Настя — там всегда тепло и живо...

Когда мы вошли в библиотеку, Житухин рванул мою руку и сам выложил ее в ручицу круглоглазой девушки в синем халате и таком же платке.

Мы поздоровались, как давнишние знакомые. Девушка крепко сжала мою руку, так что она заныла, словно прихлипнула дверь, и я тайком потянул ее у себя в кармане.

Это и была Настя Бодрова.

Она только что пришла от своего революционного станка, принес с собой казавшиеся обалдо цеховых запахов, с запущенным металлической пыльной лицом. Посмотрев во все глаза на висевшее объявление и внутренне улыбувшись чему-то, Настя пошла и умылась в утку коридора. Потом сняла свой халат и, накинув длинное борбиковое пальто, пригласила меня пройти с ней в столовую, оставив Житухина с группой пристававших к нему ребят.

За столиком, под горластой тубой громкоговорителя, Настя открывала передо мной страничку из страничек из горничей и родной ей жизни завода. Все, что я услышал от нее, в тот вечер, показалось мне совершенно новым и неожиданным. Когда она говорила про режим экономии, то упоминала о бросовом железе, инкубаторных опилках, переработанном смазочном масле и об экономном расходе энергии станками силовой энергии. И случайные цеховые неурядицы, и неизбежные при этом конфликты рабочих с цеховой администрацией она как-то проинженерно рассматривала наизвоку.

Но мне настоятельно хотелось знать, как живет она, такая каменно-стойкая и неутомимо-деятельная, дома, кто у нее родные или знакомые, какие ее личные запросы и интересы. Свести же разговор лично на нее не удавалось: он застревал в самом начале. С первого же слова о себе Настя переходила опять на являющую, на мелчайшие ее события и факты, забывая отвечать мне даже на настоятельные мои вопросы.

— Живу, что мне не жить-то! В ячейке, сам знаешь, сколько делов. Та приходится с вопросом — отчаянь, эта справедливо требует того-то — добывая, пытаю идти за помощью и советом — устраивай. Да и текущей организационной работы не мало: кружки, собеседования, учоба. Соборания уж не считаю. Вот тебе и все дни, вечера и ночи. Право, как-то вся жизнь у станка да в ячейке. Работницы ко мне относятся хорошо и даже жалеют. Ребята тоже свои: ни хамства какого, ни зла к себе не выди-

вала. Все почему-то считают меня самой авторитетной в ячейке, в цехах, перед администрацией, — скромно закончила она.

Долго и настойчиво мне пришлось упрямить Настю, чтобы она позволила мне проводить ее до своего дома. Мне казалось, страшно ее упорное, даже тревожное молчанье о себе. Но я настаивал, думая, что она молчит здесь на заводе из какого-либо стеснения и может быть разговаривать охотнее по дороге.

— Чего еще провозжать! Я и сама дойду, не спаяла. Приходи завтра на завод — опять до сыта наговоримся.

Я не сдавался и не отставал от нее ни на шаг.

Она сходила в ячейку, забрала какие-то бумажистые со мной, не дожда до своего дома за целый квартал, и я даже не знал ни ее улицы, ни просто ее дома, в котором она живет. Я заметил лишь, что Настя не доверла мне своего адреса. «Я чем здесь дело? — думал я. — Или она боится моей мужской назойливости, или скрывает от меня свою личную жизнь. Тревожиться за первое у нее нет никакого повода: мое поведение исключало все подозрения».

Протившись, она нырнула в тихую окраинную улочку, над которой прохладно распадалась глубокая голубизна.

Между тем на завод я продолжал ходить и ходить. Я уже узнал, что Настя — познавшая лишь простую грамотность, но только по вступлению в комсомол — сейчас неутомимо борется за культурный быт рабочих. Благодаря ее настоянию в столовой заведены умывальники с горячей водой, и только потому, что она воевала на нескольких собраниях — при заводском небольшом клубе появились вполне оборудованная для спектаклей сцена.

И все это еще больше разжигало мой интерес к ней.

Но мои попытки узнать у ней что-либо попржежнему не венчались успехом. И только на четвертый день наших заводских встреч мне повелось совсем неожиданно.

Мы выходили из заводских ворот в постном потном рабочих залившем всю улицу. У ворот Настю уже дожидался ее знакомый — милиционер Оринин. Молодой и очень опрятный, Оринин без всяких выкрутас взял Настю под руку, я пристылся с другой стороны, и мы двинулись вместе по знакомой улице.

И на том же самом месте, не доходя до своего дома, к моему удивлению, Настя простилась не только со мной, но и с Орининым. А пока мы шли я заметил, что между ними

За расписной стеной

существуют, что-то согретье.

— Вы давно знаете Оринина, как тогда шагос.

— Да когда да кому.

Мы разговорились. Оринин оказался даже немногом женской мягкости.

— Настя, она так мягко говорила, ей не залезешь.

Сказать тоже тогда к своей нашей жизни как-то, коли ты хочешь.

Готов в любовь и

Ну, пот, какое-то.

Назавишка какой-то церковный праздник, она пошла в

ка, я поступался

открыть мне наст

еще и еще — не ж

и потерян — ерсе

Комсомольца и бюрократ

— кадр из фильма «Нрунева»

...иные самые сердечные и
...е Настя? — спросил я
...и мы отошли несколько
...уж есть тому, как зна-
...без всякой натяжки.
...очень симпатичным и
...внешним в своей сердеч-
...твердая, это верно, —
...ни. — Прямо с улицы к
...ду. Не беспокойся,
...то меня больше попи-
...ре не подлущала. А
...известно при общении.
...И знамо надоедает
...шиную нору завесть в
...обойти.
...таки, она позвала меня.
...день отдала, кажется
...в. В одиннадцатый
...ные усвоенного сроч-
...е дверь. Постучалась,
...а не вышел. Я постукал
...ей ни кулаков, ни двери
...сам, — и вошел в

— кадр из фильма «Дон Диего и Пелагея»

темный и воночный коридор. В квар-
терной грязный и нечистот — полно.
Не зная номера ее комнаты, я наугад
отворила косяку дверь из тонких до-
стожек и прямо ободдел по первости.

Против меня, у печки-временки сто-
яла Настя, распустив по всей спине го-
лые и длинные свои волосы. Стояла
и ревели горько, во всю ивановскую. Я

постоял и, ну, робел даже. С рук Насти
сползала застывающая черно-бурая кровь.

— Настя, — говорю я, — или убийство
произошло? Как же, говорю, это так
случилось, Настенька!.

А она еще пуще в слезы. Ну, уж, ду-
маю, раз Настя плачет, так делов пона-
делано. Не такая девушка, чтоб зря глаза
мочить стала. И я усмотрел: в стороне
на сбитой кровати орала и металась ка-
кая-то пьяная баба и тоже вся в крови.
Она распылила белые ногами и непре-
рывно скрипела зубами, как мельница
жерновом. По столу и полу валялись
стаканы и чашки, нарезанные огурцы и
капусты. А селедка, запавшаяся луком,
красовалась в золе у печки.

В это время женщина-то с кровати, как
вскочит и ни меня всяко костить. По сло-
вам и узнал я кто она. А раз, говорю, так
значит нужно и меры соответственные пред-
принять. Сходила я за домкомом. Захватили
мы там веревку, пришли, ухватили ее. Ну,
покривила немного и капут — в сон вошла.
Стали из рук стекляшки вытаскивать: не
кричит. Ведь кровь-то шла от того, что она
стакан разбила и стеклом себе все руки по-
резала. Вот Настя и перемазалась, возни-
вшись с ней.

Развела я веревку. Настя в это время
уж коммунштучек прибрать успела. Мы сели
за стол, Мочим, как после драки. Потом
Настя попомощем стала вытирать свои
слезы.

— Эх, — говорит, — Степа, Степа! Как мне
сейчас перед тобой тяжело и обидно. Ну,
прямо вся грудь трещит. И все, дескать,
получалось из-за вес, черной дентийки и
бессовестности такой! Ведь я накупила вчера
припасла, коли у людей праздник. И думала,
про теби капустки и огурцов, и вина было
что угосту тебя, поскольку есть возмож-
ность. А Ленка на это время уходить в село
собиралась. А она, чертовка, на грех оста-
лась и прилопала все, да еще разбавилась.

А я за тебя волновалась: придет,
мол, увидит в чем дело, и поминай,
как звали.

— А чего ж ты, — сказала я тог-
да, — не прогнала ее?
— В том-то и дело, что она
здесь хозяйка. Ведь я у ней в этой
комнатухе живу.

— Да, как же, — говорю, — ты
живешь с ней, коли она — и сам
чорт не выговорит — чем зани-
мается?

— Что ж я поделаю, если нет
другой квартиры.

— Да разве мало у тебя на за-
воде подруг. Или разве нет в Мос-
кве обшестий?

— Подруги тоже не в дворах
прохладятся. Да, ведь и я не
в помойной яме живу. В приспо-
собленном помещении. Чудак ты,
милый Степа, право.

И сама засмедалась.

Уж больно она рада стала, что
я остался. Ну, а мне не до смеху.

Целую неделю стоял на дежурствах сам
не свой.

За рассказом мы дошли с Ориными
незаметно до большой площади и, протис-
нувшись, пошли во-свои. В том, что он рас-
сказал мне, я не сомневался ничуть. Но как-
то с непривычки не верилось.

На другой день с самой утренней рани
я помчался на завод к Насте.

Она стояла у своего станка в свежем го-
лубом халате и обеими руками управляла
сложным барабаном, вытачивающим хитрый
какой-то винт. И на ее лице, широком и
освещенном, как поле, гуляла светлая со-
средоточенность. Я спросил ее — правда ли
то, что мне рассказал Орины, и почему не
хочет она заявить хотя бы в свою ячейку о
несносном своем жилье. Я знал, что сама
она к нуждам других относится больше чем
по-товарищески. Почему ж и самой не
притти за помощью в свою ячейку.

— Вот еще! — горько выдала мне
Настя. — Стану я беспокоить ячейку такими
пустяками. Ведь для того мы и комсомолки,
чтобы...

Она не договорила. К нам подошел Жи-
тухин. Настя строго и почти с ужасом
взглядом дала мне понять, чтоб я не вы-
падал содержание разговора ему.

После ухода Житухина я снова завел
разговор с Настей о совершенном недопу-
стимом сожительстве. Из наблюдений в
жизни я знал, что такое упорство и прене-
брежение к себе могли кончиться для Насти
всесми печально. Хорошо, что в обществен-
ном отношении все идет складно. Но это
может руматься, что какой-нибудь бюро-
крат-инструктор возьмет и предложит ее
отстранить от заводского организаторства.
К одной беде вьются другая, и... самобыт-
ство готово. Так первы и волы, взаменившие
до последнего предела, обещают быстрый
улагод сил и жестокою реакциею.

Пока Настя работала, я опять говорил с
Житухиным. Конечно, он и не подозревал
никогда, что у Насти могут быть такие не-
порядки и передергив в личной жизни. Да и
предположить было трудно. Тем более, что
Житухин знал про тесные обшестия Насти с
подругами комсомолками, которые живут на
заводских даках вокруг Москвы, почти один. А
когда я обещал ему сам принять участие в
разрешении Настинного жилищного вопроса,
Житухин решительным образом отстранил
это мое предложение:

— Да мы ее, золотую голову нашу, са-
ми устроим! Да разве можно допустить,
чтобы Настя... наша Настя... воспитательница
наша, жила с проституткой!

Мне показалось, что он в ярости и гневе
на самого себя отвертел от пола своей крепко
привинченной станок и размохотил им го-
лову первому встречному, который посмеет
сказать хоть какое-нибудь не милое слово
Насте. Ему было неловко и передо мной.
Ведь это он аттестовал мне ее сначала, как
образец комсомольского благополучия на
заводе. А на деле оказалось наоборот.
Выяснилось полное незнание ячейкой по-
пиных недостатков в личной жизни ком-
сомолов, хотя бы и таких передовых,
как Настя.

А когда через несколько дней я встре-
тился с Настей, она на мой вопрос: «там
ли живешь?» — на ходу обронила асесо:

— Уж комиссия давно была. Материалов
набралось, как следует. Вот как пошло: и
за домашнюю жизнь взыскан.

ВЕЧНЫЙ, ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОС

Письмо студента В. МИРОНОВА

Редакция получено письмо комсомольца-студента тов. Милонова. Мы печатаем ту часть письма, в которой Милонов делится своими сомнениями по поводу "вечных", проклятых вопросов организации быта. Милонов не продолжает уже привывшую дискуссию о половой распушенности молодежи. Его больше беспокоят вопросы увязки личной жизни "молодоженов" с их общественными интересами и обязанностями... Печатая письмо Милонова, редакция, "Смени" выносит письмо на широкое обсуждение всех читателей, прикладывая эти присланные наблюдения по поставленным Милоновым вопросам. Впоследствии редакция постарается дать заключение "людей знающих и авторитетных".

ИЩЕ один вопрос который, я прямо скажу, очень мучает меня. Да и не только меня, а пожалуй каждого молодого парня, который задумывается над жизнью, думает, как лучше устроить жизнь. Я говорю не в личном смысле — лучше жить, т.е. вкуснее и сытнее питаться, мыть спат, лучше одеваться и т.д. Я имею в виду общее устройство жизни, чтобы отношения между людьми, в первую очередь между парнем и девушкой, содействовали строительству социализма, а не тормозили его.

Сейчас очень много пишут о «половой проблеме». Пишут много верного, а много и чулунки — это я знаю, потому что, повторю, уже четыре года я живу в общестнии и многое видел. Годы три назад, когда мне было семнадцать лет, я еще многого не понимал, а теперь я уже могу во всем разбираться. И вот я видел, что вся линия взята на то, чтобы парень сходилась с девушкой только, как говорят, по любви и жиа с нею чуть ли не вечно. Особенно «Комсомольская Правда» так пишет: да и писатели, которые разбачали распушенности, хотя прямо никто ничего не предлагал, но вывод приходится делать такой, что сходитьсь надо только по любви и что расходятся вообще нельзя. Это, может быть, хорошо говорить тем, кто живет в хороших квартирах, у кого большой заработок и т.д. Да и то многие из тех, кто проповедует всякую мораль, личным своим примером отнюдь, мне кажется, не содействует укреплению тех взглядов на жизнь, которые они пропагандируют.

Но что же получается в наших условиях, когда сходятся — даже по любви — парень с девушкой? Вначале все очень хорошо — целуются, милоются, оба занимаются своей прежней работой, и все, как будто, идет прекрасно, но не надолго. Есть миллион поводов, которые приводят к ссорам, разладу. Особенно, если живут вместе. Ведь в одной комнате даже лучшие товарищески-дружеские отношения невозможны, не говоря уже о том, что часто просто не сойдется и жить вместе не смогут.

«С кем не поживешь, того не узнаешь» — это народная мудрость. А разве, когда парень сходитсся с девушкой, они знают друг друга настолько, чтобы гарантировать вечную любовь и согласие. Я сам знаю случаи, когда девчонка, которая очень любила парня (а парень и впрямь складный), ушла потому, что он... хралел. Я жиа с ним до того с месяц, и это была чистая мука. невозможно учить — как шла по стесу. Другой случай. Полюбил парень девушку. Долго ее охаживал, больше года. Сошлись, обзавелись и уехали в деревню к ее родным на каникулы. А вернулись порознь, он на неделю раньше, и как бы между ними ничего не было.

Потом только узнали причину: у нее от какой-то болезни вылезали волосы, на макушке лысина получалась, она носила искусственную косу — никто ничего и не подозревал — девчонка красивая. Скажут — пустяк, сознательный, культурный партиец (оба партияца) из-за этого не станет расходитсся. Не знаю. Но осудить парня довольно трудно. Мне кажется, все же, что это должно быть очень неприятно.

Это мелочь. Но сколько бывает у человека отдельных черт и черточек, физических или моральных, которые оказываются неприятными или даже неприемлемыми в условиях совместной жизни!

Главный же источник неладов, мне кажется, заключается в том, что обычно ни парень, ни девушка от брака не получают никакого обогащения в жизни, обогащения, которого они ждали и в котором очень нуждаются. Чаще всего прибавляются только пуды забот и хлопот, взамен чего радости отпускается золотник.

Но особенно тяжело приходится, если появляется ребенок. Женщина на долгое время, если не навсегда, бросает учебу, отбывает. Пеленки, рубашонки, простыньки стирать, мыть, кормить — целый день. Я видел прекрасного человека — женщину сильную, мужественную, с превосходным здоровьем, которая пыталась доказать, что можно совместить заботу о ребенке (и отчасти о семье) с учебной и общественной работой. Она вставала в шесть, кор-

мила, стирала, занималась, работала до поздней ночи. Пока однажды, уйдя на лекцию, она оставила для ребенка грудное молоко. Муж опоздал и дал ребенку уже киснее молоко. Ребенок умер, а мать чуть не сошла с ума, вынуждена была бросить работу и уехать надолго к родителям в провинцию.

Чаще всего бывает другое. В тесной комнате вечный визг и плач. Женщина, под влиянием физического и нравственного напряжения, озлобляется против мужа, который, естественно, не принимает близкого участия в домашней работе. Даже самый хороший парень лишь очень немногим может помочь женщине, если, разумеется, он не станет манкировать учебной или общественной работой. И как бы замечательна в чужой, если бы коммунист сказал, что не выполнил задания или не пришел на собрание потому, что... стирал пеленки или ребенка прогуливал... На смех бы поднимали и да чего доброго, закатили бы выговор.

Но это я беру все случаи, когда сходитсся студент-партиец или комсомолец с коммунисткой или комсомолкой. Я даже думаю, что то же самое происходит, если муж не студент. Правда, тогда нет острой материальной нужды, это чуть-чуть смягчает положение. Но не все могут нанимать прислугу, а без этого жена неминуемо превращается в домашнюю скотину. Иногда этот процесс длится довольно долго, женщина сопротивляется, но жизнь берет свое, и понемногу, шаг за шагом, женщина теряет свою общественную физиономию, сохраняя свое индивидуальное лицо лишь... в ссорах с мужем.

Если же жена коммунистка или комсомолка беспартийная, тогда процесс омешивания идет очень интенсивно. Ибо женщина в этом случае довольна своим положением жены и матери, старается лишь наилучшим образом организовать свою «семейную ячейку». И чем умнее и «культурнее» мешапка, тем легче ей удастся опутать и отравить всяческими «семейственными» ядами мужа-коммуниста. У меня есть знакомый, очень близкий мне человек. Коммунист, сын подлинного пролетария, дрался на фронтах, парень культурный и, безусловно, пред революцией. Женится. Работает на предприятии. Но денег нехватает, он вынужден искать прибавочку. Разумеется, за счет внимания общественной и партийной работе. Появился гардеробчик (с зеркалом), никелевые кровати, ковры. Под натиском «ежедневной» в пасту полуподушечки, кулечи, анио и обильная закуска. Скоро лето — жену нужно отправить на курорт (чем больна она — неведомо никому, и ей в том числе). Кроме того, нужна дача и

Очерн Н. ОРУЖЕЙНИКОВА

Слова, стоящие в заголовке статьи, многим могут показаться старыми, истертыми и ненужными словами. А между тем многие факты говорят на то, что их нужно и постоянно твердить, пока их смысл не воплотится у нас в дело. Прочтите достаточно красноречивые примеры, которые приводит Н. Оружейников, и вы убедитесь в этом.

т. д., и голова парня начинала забои-
но денег, о даче, о бухете, который На-
ночка где-то вымотрела, о платках для
нее же («это же эгоизм — не позаботиться
о Ниночке, когда она столько работала и
мила»). Нужен и «примечательный» костюм для
себя. И лишь два раза в год, 26 октября
и 1 мая, он на демонстрациях получит
«вспрыскивание революционной банальщи-
ны», не удастся избавиться от участия
в демонстрации, составившей на болезнь.

Я думаю, что это случай не единственный.
Ибо очень многие коммунисты или комсо-
мольцы женятся на бесперспективных, ко-
торые чаще всего оказываются зурлящих
мешанками. И тогда выбирая: или бо-
лото, в роде вышесказанного, или по-
стоянная, упорная, отравляющая жизнь,
борьба в четырех стенах, на 32 кв. арши-
нах.

Мне хочется остановиться еще на одном
вопросе (хотя, откровенно говоря, я ду-
маю, что вы мое письмо не напечатаете,
во-первых, потому, что коряво написано,
а, во-вторых, у нас вообще не очень люб-
ят резкую постановку вопросов). Это о
нормальной половой жизни. Все пишут и
говорят о том, что даже нормальная на-
рания половая жизнь очень вредна, что
портятся способности, ослабевает па-
мять и приводит даже к более тяжелым
последствиям.

А я знаю, что сейчас нигде в городе
вообще, кроме разве отсталых рабочих, не
живет нормальной половой жизнью. Если
жить нормально, остается одно из двух:
либо обзавестись дюжиной ребят, либо
каждые полгода вынуждать женщину де-
лать аборт. Первое, безусловно, самое
нормальное, с точки зрения биологи-
ческой, совершенно невозможно по быт-
ным и иным условиям, не говоря уже о
том, что это опыт-таки превращает жен-
щину в какой-то непрерывно работающий
инкубатор. С другой стороны, частые
аборты губительны для здоровья жен-
щины. Как студент-медик, я вообще счи-
таю неправильной систему покровитель-
ства абортам. Я где-то читал, что теперь
каждому врачу разрешается производить
аборты у себя на дому, если у него есть
кошка. Это приведет к тому, что каждый
сплохоник, получивший диплом врача
(пусть и за пять месяцев сплехоник — подли-
ные мастера сложного мастерства — за
неслестное сравнение), будет у себя на
дому резать и полосовать женщин. Я во-
обще не понимаю разницы между абор-
том, и, скажем, умерщвлением новорож-
денных. И мне всегда казалось странным,
что одно карается тюрьмой, а другое про-
изводится совершенно легально. Мне
представляется, что если бы аборты были
восприняты, женщины не так легко смо-
трели бы на половую связь.

Но как бы то ни было, все-таки выхо-
дит, что нормальной половой жизни нет
и, как будто, быть не может. Между про-
чим, именно это последнее меня лично,
как и многих других, удерживает от брака.

Вот краткие те вопросы, которые встают
перед каждым молодым коммунистом, ко-
торый хочет как-нибудь лучше организо-
вать свою жизнь, организовать ее так,
чтобы ухватить личное с общественным,
чтобы не завязнуть в мешанском болоте,
жить нормальной, полноценной — физи-
чески и морально — жизнью и не быть
вынужденным отлытывать от важных
общественных задач на всяческие мелочи
быта.

Мне очень хотелось бы услышать ответ
на все эти «проклятые вопросы», ответ
людей знающих, авторитетных — ответ
прямой.

ОДНАЖДЫ на заводе появились «но-
венькая». Неуклюжая, робкая, она
резко выделялась среди бойких и
расторных работниц. Сперва с «но-
венькой» стали заговаривать, кое-кто
отпустил по ее адресу несколько шуток,
но вскоре о ее присутствии забыли. Заведу-
ющий поручил ей самую легкую работу —
мыть бутылки.

— Что же можно еще поручить нека-
лифицированной? — как бы советуюсь,
спросил он секретаря фабкома.

Тот кивнул головой, и «новенькая»
вступила в обычный круговорот.

На заводе было весело. В перерыве ра-
ботницы разговаривали о кружках, о
стенгазете, в которой недавно был вы-
смен мастер, командовавший по «старо-
режимному», о текущих заводских делах,
относительно вентиляции и невиданной
в шок прозедежд; спорили, ругались и
в заключение, сойдясь на одном, про-
мо, заключили хохотали. Но «новенькая»
только робко прислушивалась к этим раз-
говорам. Несколько раз она попыталась
заставить слово, но все получалось не-
выпадал, и к ней оборачивались недоуме-
ные лица.

О «новенькой» вспомнили через не-
сколько месяцев, когда она, явившись к
секретарю комсомольской ячейки, попро-
сила у него анкету. Анкета была запо-
лнена, на ячейке дружно проголосовали
за принятие в комсомол «новенькой», а
председательствовавший на собрании
красношейка комсомолка с буйной при-
ческой солидно сообщила присутствую-
щим:

— Ну, теперь ты держи знания! Чуж-
о не хуже других!

На заседании бюро при «распреде-
лении» нагузился, когда очередь дошла до
«новенькой», запнулся. Думал-думал и
решил пока подождать, а с осени пусть

запретится в политучебу: там видно бу-
дет. Проходили недели за неделями. На
заводе возник вопрос о сокращении. Ре-
шили уволить некоторых некавалифициро-
ванных работниц, которые не приносили
заводу существенной пользы. Когда «но-
венькую» вызвали в контору и вручили
ей несколько бумажек и стошку серебра,
она несколько мпловнистой стояла, словно
прирозда к полу. Лишь глаза ее подерну-
лись влагой.

А через два месяца одна из работниц,
торопливо возвращавшаяся с вечерней смен-
ны, наткнулась на пьяную женщину. На
набеледном лице зияли кровавым рубцом
накрашенные губы, ее шляпка с «схака
на бок, а из уст вырывалась какая-то
веселая песенка.

— Э-эх... пошла... распоща...

Работница остолебенела. В пыльной про-
ститутке она распознала «новенькую».
Так окончилась жизненная «карьер»
ученицы Т. В. на фармзаводе им. 8-го
марта.

А вот другая картина.

На табачной фабрике им. Урицкого
(Ленинград) работала комсомолка Кучук.
Взбал, сонный, он чуть ли не ежедневно
опаздывал на работу. Никто никогда не
встречал его чистым, привирающим.
«Совсем на беспризорного смахивает» —
жаловался секретарь комсомольской
ячейки товарищам. А за Кучуком прогу-
лялся все участившаяся. Директор одна-
жды наместил секретарю ячейки, что
Кучука придется уволить... «Нехорошо,
чтобы у нас лодыри заводились».

Стали комсомолы соображать, как
Кучука из бедн выпучить. Поговорили
и решили навестить Кучука. Оказалось,
что малый жил в полузаброшенном и
развалившемся доме, жил, как живут
беспризорные. Комсомолки, оказавшись

ГДЕ КОРЕНЬ?

... Заседания комсомольских конференций начинаются иногда с опозданием на час и больше. Упущенный слухом много уделяет внимания будущему.

(Из газет)

Докладчик «всегда готов», а вот аудитория...

... аудитория предпочитает лишь порозанное и полотное

чале постели, сразу прижали к себе 친구. Не только всю прачу в комнате выскребли, но и самого Кучука заставили вымыться дочиasta. А закончив эту «первую помощь», дали «клятузу» перестроить быт Кучука.

Прошло несколько недель и Кучук преобразился. Поздоровел, прогулы исчезли, в ячейке он уже числится активистом. Тем, кто удивлялся происшедшей с ним перемене, Кучук весело отвечает: — Ячейка, брат, научила. Научила, как по-человечески жить!

Но равнодушная у нас, пожалуй, больше, чем чуткость и инициативы в поддержке товарища. На одной из московских районных конференций комсомолец Девякинский (типография «Эмсе») признался, что в отношении наших нередко существует холодок. Если комсомолец неожиданно заболел — не ждите, чтобы ячейка помогла ему или навести его. О нем начинают заботиться только тогда, когда он умер.

Очень часто такое равнодушие приводит к отрыву товарища, к его гибели в трагические моменты жизни. Характерно, что среди комсомольцев покидающих свои, имеются не только девушки, попавшие под гнет мужа. На фабрике им. Свердлова (Москва) из ячейки вышел комсомолец Жучков вскоре после своей женитьбы. Заявление его гласит: «От комсомольской работы оторвался, вернуться к ней по семейным обстоятельствам не могу». В типографии АОМГИК комсомолец женился на комсомолке, и они вместе ушли из комсомола.

Тут наглядно сказывается равнодушие товарищей к судьбе отпадающих от общего дела, увлеченных «мирным житием». Никто не попытается уговорить уходящих комсомольцев, вернуть их в комсомольскую семью.

А между тем, комсомол — такая организация, которая ведет борьбу при помощи уже зрелых, сформировавшихся кадров, а — школа, орудие воспитания. Значит, вина за вывих того или иного комсомольца, за его отход от комсомольского дела частично ложится и на окружающих, не сумевших поддержать в нем комсомольскую бодрость, расцвести зародившиеся в нем сомнения и колебания. Больше того, комсомол — организация, передающая свою прежнюю индивидуалистическую натуру человека, воспитывающая в нем черты коллективизма, солидарности, товарищества.

Что такое товарищество?

Некоторые товарищи, что главными признаками товарищества служат заливчатое обращение друг с другом, глупый жаргон с употреблением словечек в роде «здрывага», «завузда», а главное — советское братство и взаимка. На самом деле во всем этом нет ничего, что связывало бы людей в действительно прочный, пронизанный единым идеалом, единым жизненным смыслом коллектив. Так понимали товарищество немецкие студенты-бурши или веселые обитатели Латинского квартала в Париже, которые, сочетая кутежи с наукой, проводили время в разных драках, попойках, попойках и тому подобном позорном молодечестве. Но, раскодавшись, они оставались каждый сам по себе, каждый со своим проектом «карьерии», со своими личными жизненными планами.

Наше товарищество должно быть другим.

Прежде всего, каждый должен чувствовать ответственность за судьбу товарища.

В чем различия двух приведенных выше примеров?

В первом случае никто не интересовался тем, какой зигзаг может сделать на своем жизненном пути Т. В. Во втором случае судьба Кучука возводила и заставляла насторожиться товарищей. В первом случае товарищества в подлинном смысле этого слова не было, во втором — оно было.

На вагонной фабрике Деткомиссии ВЦИК^а произошел следующий случай. Комсомолец Пучков, клявшийся в любви работнице Л., потом стал публично хвалиться своими успехами. Это так повлило

МОЛОДЕЖЬ В ФОТО

Антон Н. Кусурешев

Молодой мастер, еще не подвергшийся влиянию комсомола (снято в Красно-Пресненском районе)

на девушку, что она покочичила самоубийством, оставив товарищам письмо, в котором просит не осуждать ее за «некомсомольский поступок».

Ребята, которые до того, чтобы лишиться раз погоротать, охотно выслушивали рассказы Пучкова — виновны в такой же мере, как и непосредственно толкнувший девушку на самоубийство Пучков. Чуткости, тревоги за судьбу своего товарища у них не оказалось. Значит, каждый продолжает жить собственными интересами, значит, подлинного товарищества у них нет и в помине.

Не нужно забывать, что в подобных случаях речь идет не только о трагической гибели отдельной личности, но и о потере одного из работников строящегося социализма. Цена человека для нас должна быть высокой. Погирая ногами человека, забывая о его судьбе, нельзя строить социализм, весь смысл которого в просветленном, очиненном от всех мук и всех похлостей существования человеческого коллектива.

ВИТРИНЫ модных магазинов на Столешниковом и Кузнецком расцвечены выставкой модных с вырезами туфелек и башмаков.

Вы видите в окне магазина изящный ботинок, при взгляде на который и в голову не придет, что это — кустарная работа.

Однако, мало кто знает, что многие витрины Столешникова и Кузнецкого, башмачные и сапожные гирлянды на Сухаревке ведут зити свои в Комму, Тверской губ. и Талдом, ныне Ленинск.

Талдом не случайно гордится своим прошлым — жил там когда-то Салтыков-Щедрин. Дом его там и сейчас имеется. Школа второй ступени именем его названа. Жил бы и сейчас великий писатель — немало описал бы он веселого и грустного об этом городе. Подлинное большинство населения уездов — башмари.

В Ленинске есть даже улица целая — Кровавая называется. Выстроена она во время войны. Обитатели ее нажились на военных сапогах. Из опор они искусно создавали подошвы, прозванные «тысяча и один гвоздик».

Прозвище это носит отпечаток той сложной работы, которую надо проделывать, чтобы из старых голенищ — получились подошвы.

Вообще мастерство изворотливости и жукливничества здесь развито необычайно. На рынок выходит каждый раз несколько тысяч кустарей, и никто не решится утверждать, что среди них найдется десяток, которые вынесли «честную» работу. Где-нибудь обязательно кроется хитрость — либо в картонной подошве, либо в таком же заднике.

«Лепилка» — местные мастера. Лепят, а не шьют.

— Я тебе предлагаю, чтобы на руках носить, а не топтать, издеваются башмари. Таков рынок.

Есть здесь и производственные артели.

Увы, очень часто в них орудуют былые люди. При большом проценте неграмотных, там часто процветает грабеж, обжуливание кустарей и т. д. Молодежи в артелях немало. Работают они лучше стариков, старательней, чище. Но работают по-старинке. На «липка».

Липка — сканеичка — отнимают у молодежи, как и у стариков, 18 часов в сутки.

Читайте в следующем № «СМЕНИ» РАССКАЗЫ, СТАТЬИ, ОЧЕРКИ:

М. Платошкина — Испытание.
А. Муракова — Клубы по-новому.
Н. Седерова — Инженеры здоровья.
В. Черня — В стране «Кима».
Ф. Малова — Молодежь у станка.
И. Ипполита — Замки из блокнота.
Г. Германова — В стране Сванов и мн. др.

С № 10 «СМЕНИ» будет регулярно печататься новый отдел:
«ИГРЫ МОЛОДЕЖИ».

ШЬЮТ БАШМАКИ

(Молодые кустари Кимрского и Ленинского уездов).

Под «базар» ученик, подмастерье и хозяин «дуют» все ночи. Но зато после, если уж загудят, так на неделю, на две.

Гуляют здесь по-особому. При мне в с. Прислон на масленицу собралась стенка. Стенка подготавливается месцами. Годыми искоренилась она. Дрался прислонские из Ленинского уезда, с кимрскими, Тверской губернии. Кимрский уезд — через Волгу перейти.

И вот с утра в масленичные дни выходит ребята, «пингагасты», и начинают подзадавать:

- Ленилы, боитесь что ли?
- Сопляры, наддадим вам у.
- А побойтесь!

К «пингагастам» присоединяются ребята постарше, потом даже старики. Стенка готова.

На этот раз при мне двинули в село стрелковый дружок, кинопередвижку, мобилизую кажется и пожарную дружину, но стенка все же состоялась.

Стенка — это отображение того быта, который окружает кустаря.

Паришку с 11 лет берут на липку. На «липке» он первый год сидит за 50 рублей (в которые входит обувь и одежда). На второй год он по такому же расчету получает 100 рублей.

Быт ученика несыханно тяжел и жесток. Душная комната, котопшая лампа, выплывающий, кладет в ящик, а другой берет в рот. Поэтому, когда праздник или стенка, все пользуются случаем позоровать как следует.

Проблески нового виднеются лишь маленькими огоньками.

Есть Ахтимеевская ЦКУ — школа кустарного ученичества. В ней обучается около 50 детей кустарей и беднейших крестьян.

Несколько же школ второй ступени уезда абсолютно непригодны к характеру и экономическому лицу уезда. Люди выходят оттуда неподготовленными к жизни.

Тяжел, несыханно тяжел труд и быт ученика.

Из 3.000 кустарно-наемного ученичества охвачено трудовыми лишь 900 человек — меньше ¼.

Хозяева нарушают договор на каждом шагу. Недавно было обследовано 14 предприятий кустарей и обнаружено 42 нарушения.

Молодой кустарь сегодня представляет собою и в Кимрах и в Ленинске-заставу досюветского Ваньку Жукова.

Только 8 процентов оканчивает четырехлетку. Остальные 92% уходят со второго года обучения.

И Кимры и Талдом не единичны.

Здесь только отображена печальная картина положения кустарного ученичества рельефнее, чем где бы то ни было. Будем точны в цифрах: по данным ЦСУ за 1925 г. в кустарной промышленности было занято 228 тыс. подростков в возрасте до 18 лет.

И ученик у кустаря — это буквально прислуга за всем: качать детей, ставить самовар, пасти скот, сбегать за волкой.

Положение с ученичеством осложняется часто некоторой штампованностью нашего подхода к кустарям, независимо от специальностей. Очень часто сложная

для новичка работа требует, при самом внимательном отношении к ней, полгода, что бы освоиться с нею. Поэтому кустари предпочитают сдавать такие работы на квартиру, в деревню, нежели брать на свои хлеба ученика.

В Кимрах вы можете увидеть озвучающихся по сторонам учеников — боится, чтобы никто не увидел. А если кто узнает, хозяин изобьет.

Навстречу Ваньке Жукову поднимается комсомольская организация.

Она сейчас в Ленинске, например, занимаясь районской кампанией по пионер-отрядам и родительским собраниям о недопустимости и вредности отрыва от школы детей в раннем возрасте.

Она задумалась сейчас над вопросом поднятия квалификации одиночек кустарей из молодежи.

Молодежь тянется к общественным мастерским, так как только в них она может получить квалификацию и выбиться из скучища. Дело в том, что на рынке в первую голову хватают лучшую по фасону обувь. Бедняк же, не имеющий квалификации, стоит долго и ждет покупателя на свой менее ходовой товар. Его то скупщик и жмет.

Башмак таит всю сложную проблему для молодежи, сидящей на липке и мечтающей об общественных мастерских, для которых у нас еще недостатка, увы, ни средств, ни помещений и, что самое худшее, инициативы, чтобы взяться за дело как следует.

Дело в том, что на рынке в первую голову хватают лучшую по фасону обувь

Пишите

о быте молодежи на вашем производстве. Ставьте вопросы, возникающие в вашей практике. Делитесь своим опытом. Лишь нашей молодежи должно быть полнее всего представлено в «Смене»!

Паришку с одиннадцати лет берут на липку

ЛЮДИ В ГОРАХ

(ПЕШНОМ ПО НАВНАЗУ)

Очерк Г. БЕРГМАНА

2. ПЕРЕВАЛ

В ПЕРВОМ очерке¹ я рассказывал, как мы шли от Кисловодска к Эльбурсу и поднимались на него. Теперь, чтобы пройти в Сванетию, нам предстояло перелезть через Главный хребет.

Спустившись с Эльбурса, мы вернулись в аул В. Баксан (Урубиново). Здесь Наумова и я перевели еще три дня и прошли потом в Сванетию.

Но еще до этого мы совершили прогулку в ущелье р. Адыр-су, притока реки Баксана. Над самым селением каменная тропа, по левому берегу Адыр-су, круто уходит по склону вверх. Мы поднимаемся по скалистой стене узкой тропинки, а на дне в каменной темноте беснуется поток. Потом стены расходятся, мы входим в лес, по бокам и впереди растут все выше горы. Ущелье Адыр-су расположено как бы в ледяном мешке: на западе встает выдвинувшийся к Баксану отрог Главного хребта, с ледниковыми вершинами Андричи и Курмича; на востоке поднимается Баксан-Чегемский хребет, весь одетый в ледяной кафтан, с высокими вершинами Сулукол, Тутто и Кузукол, а хребта, где господствует могучая вершина Адыр-су.

Мы идем основным лесом, подьем стал почти незаметным, иногда попадаются совсем ровные площадки. Река утихнула, здесь ей нигде распыряться, под ногами колеблется податливая хвоя, мы кидаемся шишками и едим землянику, — и если не смотреть вперед или вверх, то можно забыть, что здесь не равнина. Ливень перелетает дятлы, солнечные блики немедленно скользят по золотистым стволам, стрекочут и звенят кузнечики, совсем летний день на севере. Но лес вдруг расступился, и прямо перед нами белесая ледяная панцирь Адыр-су, а

скоро и солнце покатилося спать за высокие горы, и гигантские зубья черных утесов резко выступили на поблещившем небе. Тогда от льдов промчался холодный ветер.

Потом все смолкло, в пригнетом ущелье слышнее заворчала река, и на нашу тропу легла тень.

Мы поднялись — в сумерки в горах люди всегда становятся серьезнее — и быстрым шагом пошли вперед. Тут опять пришлось подниматься, потом тропа вошла в лес. В лесу было темно, а пока мы пробрались в молчаливом сумраке, день ушел совсем, и теперь, вероятно, стемнело уже и в Москве.

Вскоре вышли на мягкий пригорок над широкой котловиной. Здесь, на опушке леса, недалеко от ледников, стоит кош¹. Кто-то смеялся в темноте, мычали коровы, невидимый пес в сильном гневе подкапывал нам под ноги. Но мы сыграли с ним шутку — пустили в глаза белый пучок электрических лучей из карманного фонаря, и белая овчарка убежала, обижено повизывая и грозясь неуверенным рычаньем. Хозяин вышел из коша и пригласил нас переночевать.

К ужину собралась вся семья, а из-за реки пришли гости — два парня из сторожевого поста, — отсюда идет путь на Местийский перевал, в Сванетию, и стража смотрит, не прогнали бы больных или ворованных лошадей. Парни пришли для лучшей важности с винтовками, сидели чинно, ждали угощения.

Женщины принесли в бидонах молоко, пустили в ход ручной сепаратор. Хозяйские дочери медленно крутят ручку, перелачиваются незаметно с парнями, все молчит, из краев тонкой струйкой текут сливки, а за дверью шумит река.

Мы полезли в вешенные мешки, достали конфет, консервов, папирос, чаю, сахару, а хозяйка сварил бараньего супа, и начался пир. Нас угощали айраном², малиной, простоквашей, молоком, сливками, сыром, потом сухими сливками — молочные-сладкие ломтики, в роде желе. Тем временем незаметно подкралась гроза, и когда улеглись спать, то через шели в стене поблескивали молнии, а гром толкался от горы к горе и гремел не очень громко, но винутильно.

На утро погода оказалась ненадежной, и мы вернулись в В. Баксан. Там к нам присоединились двое москвичей. Мы наняли пшюнюю лошадь, чтобы доставить вещи к нижней перевала, и поздним утром двинулись к юго-западу, вверх по уже знакомой долине Баксана, вновь прибавляясь к Эльбурсу. Дойдя до хутора Тегенекли, свернули влево и лесной тропой стали подниматься на крутой

Конец подъема на перевал Юсеньги

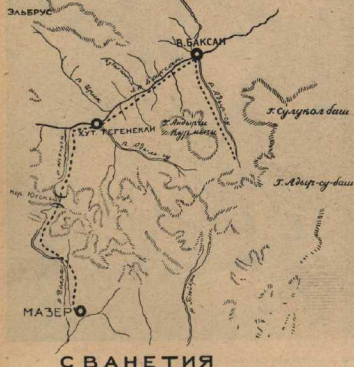
склон по правому берегу р. Юсеньги, прямо на юг.

В который уже раз мы идем вверх, а как увидишь белые вершины, тает к ним непреодолимо... И вот они снова стоят перед нами, новые и незнакомые, но все также светлые, молчаливые и прекрасные.

Навстречу спускается группа сванов. Они идут в Кабарду намыться на работу: чтобы найти ее, сванам приходится одевать ледниковые перевалы. Они идут легким шагом, с оживленными лицами, быстрым говором и быстрыми песнями, как река, что мчится вниз. Помнится, в первый раз я увидел сванов еше по дороге к Эльбурсу, а верховных Малки. Мы расположились на ночлег в пещере. Смеркалось. Я доску у входа и вдруг увидел силуэты быстро идущих людей. Смеро сванов шли на север, за плечами у них, вместо котомки, вносили козьи шкуры, они шли скорым, вольным и твердым шагом, непохожие ни на один другой народ Кавказа, скорее римские легионеры в боевом походе.

Ни один бакаре не решился идти через перевал Юсеньги: говорили, что эту осень ветрами сдуло снег, что на перевале «лед, как стекло», что «дорога совсем пропадала» и т. д. Сваны смотрели на это дело совсем иначе. Нужда гонит их на заработки и привыкла ходить куда и когда угодно. Сваны, встретившиеся на пути, спокойно и деловито рассказали о действительных трудностях, имеющихся в данный момент на этом перевале, о том, где они вырубали ступени на леднике и т. д. А двое согласились пройти с нами через перевал. Вечером, после пятичасового подъема, мы остановились на ночевку на просторном лугу, куда спускаются несколько ледников.

Но оказалось, что до сна еще далеко. Только-что развьючили лошадь и хотели отпустить ее владельца, как обнаружили, что пропал один из вешеных мешков. А там были не только одежда и белье, но и самое драгоценное — фотографические пленки, снятые и неснятые. Что делать? Решили, что Наумова и я, вместе с балкарцем, хозяином лошади, пойдем обратно в В. Баксан, а наши новые спутники и сваны возьмут большую

¹ Становище пастухов.

² Навиток, приготовляемый из молока, заквашенного особым образом — в роде кефира.

часть вещей и будут жать нас в первом селении за перевалом. Мы наскоро закупили, взяли буржи, шерстяные мешки и быстро пошли вниз. Балкарец уехал вперед. Вечер был чудесный. Наверну оставались наши новые попутчики—сваны... мы все шестеро успели уже сдружиться, на-завтра весело перешли бы перевал... Все дьяволы тоски и досады влезли в душу и хозяйничали там без всякого стеснения!

В лесу было темно, как в пещере. Под самым боком—обрыв, ревет река. Зажгли фонарик, и его слабый свет все же помогал нам различать тропу. Через два часа спустились к Баксану и сели передохнуть на упавшее дерево. И вдруг—то-пот копыт, лошадиная морда ткнулась мне в плечо,—это был наш балкарец, а в руке у него—несчастный мешок! Оказывается, ему повстречалась какая-то женщина, она подобрала мешок, выползавший из бездарно сделанного выюла и упавший неслышно на траву... Мы слова зажали фонарь и торжественно двинулись наверх. Так мы и этот день дважды поднимались по пяти часам.

К часу ночи мы уже снова были у подножия перевала, на дугу. Наш лагерь спал. Но вот проснулись чуткие сваны. Товарищи вылезли из палаток, динились и слушали наш большой рассказ о маленьком происшествии. Разогрели чай, консервы с рисом—наш прикус, старый приятель, посаженный уже на пустынных снегах Эльбурса, добросовестно шипел, состояя с рокотом реки. Балкарец поужинал с нами и ушел домой. А мы зашли в палатку и растащились на бурках с таким счастьем, как будто мир существует только для того, чтобы подарить человеку такую минуту.

На рассвете возобновили подъем. Часа два подынялись по береговой морене¹. Впереди наверху бежит ледник, чрезвычайно круто нависающий над нами. Пройдя морену, мы выходим сначала на пологий ледник с порядочным количеством больших трещин. Осьень скучно—снега, действительно, нет; затем начинается самая трудная, а отнюдь короткая часть пути—подъем по крутому леднику. Сваны вырубил здесь накачане около полусотни ступеней, т.е. углублений во льду, куда можно поставить полступни. Ступени сделаны солидно. Лишь кое-где они подтаили, и приходится их подпирать. В этом месте мы связываемся перевязью.

Опасность этого подъема (когда мало снега) заключается в том, что на откос, по которому мы поднимаемся, ниже нас мостов на высоте расположена огромная поперечная трещина, порезавшая весь ледниковый склон. Между путником и этой трещиной нет ни малейшей «зацепки», никакой неровности—сплошной гладкий скат с уклоном в 60 градусов. Кто поскользнется—неминуемо «седет» в эту трещину. Нынешней осенью сваны дважды пытались провести здесь верховых лошадей; обе скатились в трещину. Последняя погибла за несколько до нашего перехода. Но по ступенькам человек идет без всяких трудностей; только тяжела ноша за спиной порой предательски оттягивала в сторону обрыва то одного, то другого из нас. Останавливаясь, чтобы раскрыть аппарат и заснять впереди идущих. Передая одному из товарищей свою палку, чтобы освободить руки, я только теперь почувствовал, как приятно поддерживает перевеса.

Порывом пронесся ветер. Близок перевал—почти всегда дует ветер, когда подходишь к гребню перевала. Еще несколько десятков шагов по леднику—и вот уже гребень. Схватывает нетерпение, как всегда в таких местах, скорей посмотреть, что там за перевалом, какие новые откроются хребты, новые вершины, реки, новые страны. У идущих впереди срываются веселые возгласы. Что там такое? Быстро всpringивая на гребень.

Там, по ту сторону, внизу—Сванетия. Под ногами ниспадают ледники, веером раскинулись хребты, глубоко внизу неслышно текут ручьи и реки.

Покруив и распространившись со скалами, идем вниз. Мы спускаемся сначала по широкому леднику, с которого в последний раз видим Эльбурс, потом выходим на скалы. Тропы нет. Справа спускается необычайно красивый ледник. Мы видим его сверху: сначала он течет почти горизонтально, похожий на широкую, спокойную застывшую реку, а ниже вдруг переламывается и с огромной высоты ниспадает величественным ледяным потоком.

Спуск по скалам, как это часто бывает, приносит неприятные сюрпризы. Кажется, что к реке можно спуститься часа за два. Но, избрав кратчайший (как нам кажется) и, стало быть, наиболее крутой путь, мы в действительности становимся измученной, которой забавляются отсутствующие скалы. Они спускаются уступами, террасами. Каждая терраса кончается обрывом. Но сверху этого не видно. И пройдя одну, другую, третью террасу, мы каждый раз оказываемся перед обрывом. Надо бы сразу вернуться наверх и поискать правильного пути, но из-за упрямства не хочется возвращаться. Поэтому мы добросовестно карабкаемся, иногда приходится пробираться ползком. Наконец, после пятичасовой работы, мы спускаемся к реке, дважды переходим ее по снежной арке—по крыше туннеля, пробитого рекой в завалившей ее лавине, и вскоре выходим на тропу. Она приводит нас к реке Додры, впаде которой, вниз по течению, мы идем до тентуи.

На следующий день входим в лес. Беспрерывно продолжается крутой спуск. Впереди, слева—ледник, спускающийся с горы Ушба. Ушба идет вниз несколько

Вид на юг с перевала Юсеньги

ко водопадов—сливаясь, они образуют сумасшедший поток, к которому нас выводит тропа. Мы так привыкли к отсутствию мостов, что сразу же готовимся к переходу вброд. Но перейдем ли? Нет, здесь нельзя: убьет.

Как раз накануне один из нас, неосторожно пошатнувшись перейти гораздо более скромный поток, был мгновенно смет рассеянной волной и еле выбрался, основательно побитый о камни.

Расслабились по лесу в поисках брода, и кто-то находит... мост. А за мостом—малина, душистая, крупная, да как много—целый сад. «Обследование» малиника отняло у нас добрый час... Потом попадаем в хвойный лес—громадные мощные пихты, полутьма, как в детских сказках,—это не лес, а целое войско хмурых великанов.

Кое-где близ тропы видны следы работы, и в одном месте мы набрали на срезающей и выдолбленный кусок ствола: это будущая посуда для самогонного аппарата,—в Сванетии крепко плот «араку», спирное зелье, выгоняемое из ячменя, каины или рябины.

К полудню хвойный лес сменяется лиственным. Спуск стал едва приметным, то и дело попадаются ровные поляны.

Вдруг оказались высокие багнии. Лес кончился, мы на дугу. Наверну, улыбаясь недоверчиво и дивясь, бежит стройный мальчик. Здесь Мазер, первое селение на нашем пути. Мы пришли в Сванетию.

Ледник Додры

¹ Гряда камней, нанесенная силой движения ледника.

В подале пивной отмеривают краденые кружки («Кружкова»)

Столкновение Пети и Сенюхи на заводском дворе («Кружкова»)

МОЛОДЕЖЬ В КИНО

«КРУЖКОВА»

В основу «Кружка» (выпуск Совкино) положен рассказ М. Колосова «Стенгаз». Тема — борьба слуги и пивной. Показатель слуги — мальчишка Петьа Комсомольская идея вырывается из хулиганской компании. Парень, перерождается, Петьа противопоставлен Сенюхе — развратной стенгазе, который, в результате ряда некомпетентных, мейяных поступков, оказывается вне организации. За стенгазету берется Петьа.

Кружок, пивная, производство (кружковная фабрика) даны Колосовым живо, типично. Эти достоинства сглажены в фильме. К сожалению, сценарий Громова недостаточно заострил комические характеристики действующих лиц, выразительными поступками, которые возмещали бы на экране литературные описания. Но все же образы Колосова оживили на экране благодаря отличному исполнению ролей («Кружкова»: Петьа — симпатичный Градослов, артистичность — Шатерникова (хороший тип) и т. д. Удачный тоник является замечательная постановка С. Юткенича. Это — молодой, обаятельный режиссер, инициатор новых путей в кино так же, как и делают старые мастера — Эйзенштейн, Пудовкин. У Юткенича и «Кружкова» ряд хороших находок — выразительно сыгранных, хорошо смонтированных, разнообразных по содержанию кусков, интересных пейзажей (парк, поезд, отражающийся в воде). По «Кружкова» перегружены «вешними», и часто желание постановщика блеснуть оригинальными трюками нарушает у Юткенича ясность сцен. Однако, в ряде мест «Кружкова» молодой постановщик проявляет подлинный вкус и мастерство.

А. Л. ТАТОВ.

«ЗЕЛЕННЫЙ ШУМ»

Фильма (постановки Усольцев-Гарф), показывает уголок деревенского быта. Переправы через реку. Около парома — чайнушка. Здесь крестьяне спускают. Когда идет крестьянин в дозе, но ту сторону — он не доживает: баба несет домой пьяного мужа. Благодаря инициативе комсомола строится мост, подвешивающий боры благополучия «лазков» — паромника и кочегарки. «Обсужденные» паромника и кочегарки решают подвешить мост, наступив под него горячий паром. Мост удерживает крестьян и спасти от гибели, благодаря героизму молодежи.

На эту нужную и интересную тему поставлена скромная, простенькая, но фильм «Зеленый шум». У нас есть достоинство, главным образом — живые силуэты деревенской молодежи.

А. Г.

В следующем номере «СМ ЕНЫ»
читайте о новой теме из жизни
молодежи

«ВЕСЕННИЕ ЗАРНИЦЫ»

(постановка театра Б. Корн)

На помощи («Зеленый шум»)

В песне («Кружкова»)

Мост над рекой («Зеленый шум»)

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

Под редакцией Л. Е. РУБИНШТЕЙНА

№ 13 Загадочная картина

На рисунке человек, вынимающий спортив.
 Взяв же чашку человека, который извлекает спортивный упрямый.

№ 43 ЗАДАЧА СО СПИЧКАМИ

Из 14 спичек сделать семь и на оброто?

II Из 16 спичек составить пять квадратов, затем снять 4 спички, чтобы остался три квадрата.

III Как из двух спичек составить квадрат?

№ 48 ГОЛОВОЛОМКА

Этот ряд причудливых фигур состоит из параллелограммов.

Четырехугольные разрезания на 14 частей

стой

Нужно составить из 14 кусочков puzzle-фигуры.

Начислен оригинальные рисунки будут особо примечательны (или лучше рис).

Решения задач

№ 17 (1 очко). Зане между старшими и дилером. Наполеон решил в бумагах. Ильяш В. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), М. Гринин (Моск.-Кав. ж. д.), К. С. Залин (от. Ватраки), О. З. ж. д., И. Франштейн (Москва), М. И. Рыкусов (от. Старо-Копытецкий), В. Иванов (Орловск. губ.), В. П. Васильев (Москва), К. Подкратова (Бурск).

№ 18 (1 очко). Числа должны быть начислены и в кружках, чтобы можно было читать в 0. II на 10 117 = 118 = 1.

В печати вышло другое: числа были записаны в квадраты — 181. Итого что же? — I. Решения: В. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), М. Гринин (Смоленск), С. Куринков (Тула), И. Франштейн (Москва), Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. губ.), В. П. Васильев (Москва), К. Подкратова (Бурск).

Ж. М. (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 19 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 20 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 21 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 22 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 23 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 24 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 25 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 26 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 27 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 28 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 29 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 30 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 31 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 32 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 33 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 34 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 35 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 36 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 37 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 38 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 39 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 40 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 41 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 42 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 43 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 44 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 45 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 46 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 47 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 48 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

№ 49 (1 очко). Решения: К. С. Залин, Дечет и Вайон (Орловск), В. Иванов (Орловск. г.), К. Подкратова (Бурск), Б. П. Потекин (Смоленск), Е. Н. Иванов (Тула), И. Гринин (Смоленск), В. П. Васильев (Москва).

ШАШКИ

Под редакцией В. В. Медкова

Конкурс решений задач и этюдов

Задача № 4

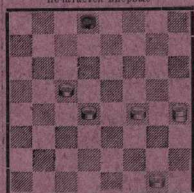
К. КИТТЕР (от. Волковыск)

Печатается впервые

Этюд № 4

С. БОРОВИКОВ (от. Казань)

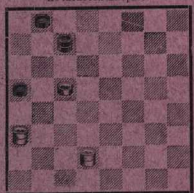
Печатается впервые

Белые: Д. б4; пр. с5, д4, ф4, е1.

Черные: пр. д8.

Белые начинают и забирают в первом ходе.

Белые: Д. а3, д2; пр. с5.

Черные: Д. с7; пр. а5, б6.

Белые начинают и атакуют.

ПАРТИЯ № 2

Открытые перекрестки

4-й партии матча на первенство СССР играли в Москве 8 апреля с. г.

В. Бакученко — В. Мелько (Черны).

1. с3—д4 16—с5

2. б2—с3 17—д6

3. с5—д4 18—с5

4. д4—с3 19—д6

5. с3—д4 20—с5

Здесь почти всегда берут 5...с5:с3.

Ход в партии не близкий к стандартному ходу.

6. д4—с3 10—с5

7. с3—д4 11—с5

Волновой размен, упрощающий позицию.

8. с3—д4 12—с5

9. с3—д4 13—с5

10. с3—д4 14—с5

11. с3—д4 15—с5

12. с3—д4 16—с5

13. с3—д4 17—с5

14. с3—д4 18—с5

15. с3—д4 19—с5

16. с3—д4 20—с5

17. с3—д4 21—с5

18. с3—д4 22—с5

19. с3—д4 23—с5

20. с3—д4 24—с5

21. с3—д4 25—с5

22. с3—д4 26—с5

23. с3—д4 27—с5

24. с3—д4 28—с5

25. с3—д4 29—с5

26. с3—д4 30—с5

27. с3—д4 31—с5

28. с3—д4 32—с5

29. с3—д4 33—с5

30. с3—д4 34—с5

31. с3—д4 35—с5

32. с3—д4 36—с5

33. с3—д4 37—с5

34. с3—д4 38—с5

35. с3—д4 39—с5

36. с3—д4 40—с5

37. с3—д4 41—с5

38. с3—д4 42—с5

39. с3—д4 43—с5

40. с3—д4 44—с5

41. с3—д4 45—с5

42. с3—д4 46—с5

43. с3—д4 47—с5

44. с3—д4 48—с5

45. с3—д4 49—с5

46. с3—д4 50—с5

47. с3—д4 51—с5

48. с3—д4 52—с5

49. с3—д4 53—с5

50. с3—д4 54—с5

51. с3—д4 55—с5

20. б6:д4

21. б4—с5 б7:д2

22. б7—д2 б5:г3

23. б5:г3 б4—с5

24. б4—с5 б3—д4

25. б3—д4 б1—с2

26. б1—с2 б2—д3

27. б2—д3 б3—д4

28. б3—д4 б4—с5

29. б4—с5 б5—д6

30. б5—д6 б6—с7

31. б6—с7 б7—д8

32. б7—д8 б8—с9

33. б8—с9 б9—д10

34. б9—д10 б10—с11

35. б10—с11 б11—д12

36. б11—д12 б12—с13

37. б12—с13 б13—д14

38. б13—д14 б14—с15

39. б14—с15 б15—д16

40. б15—д16 б16—с17

41. б16—с17 б17—д18

42. б17—д18 б18—с19

43. б18—с19 б19—д20

44. б19—д20 б20—с21

45. б20—с21 б21—д22

46. б21—д22 б22—с23

47. б22—с23 б23—д24

48. б23—д24 б24—с25

49. б24—с25 б25—д26

50. б25—д26 б26—с27

51. б26—с27 б27—д28

52. б27—д28 б28—с29

53. б28—с29 б29—д30

54. б29—д30 б30—с31

55. б30—с31 б31—д32

56. б31—д32 б32—с33

57. б32—с33 б33—д34

58. б33—д34 б34—с35

59. б34—с35 б35—д36

60. б35—д36 б36—с37

61. б36—с37 б37—д38

62. б37—д38 б38—с39

63. б38—с39 б39—д40

64. б39—д40 б40—с41

65. б40—с41 б41—д42

66. б41—д42 б42—с43

67. б42—с43 б43—д44

68. б43—д44 б44—с45

69. б44—с45 б45—д46

70. б45—д46 б46—с47

71. б46—с47 б47—д48

72. б47—д48 б48—с49

73. б48—с49 б49—д50

74. б49—д50 б50—с51

75. б50—с51 б51—д52

76. б51—д52 б52—с53

77. б52—с53 б53—д54

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛ